

ВОКРУГЪ СВѢТА

О подпискѣ на журналъ „Вокругъ Свѣта“.

Въ теченіе 1917 года подписчики получаютъ:

50 №№	богато иллюстриров. журнала, заключ. въ себя романы, повѣсти и рассказы.	36 книгъ	первой серии иллюстриров. собранія соч. Жюль Верна.	12 №№	иллюстрир. ежемѣс. Журнала Приключеній (путешествія, приключенія), фантастика.	12 выпусковъ	соч. Робертъ Баленъ-Поуэля Бой-Скауты.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:		на годъ съ пересылкой и доставкой по всей Россіи				14 р.	— к
„	„	„ 1/2 года	„	„	„	7	50 „
„	„	„ 1/4 года	„	„	„	4	— „
„	„	За границу на годъ	„	„	„	18	— „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 5 р., къ 1-му апрѣля 5 р. и къ 1-му іюля 4 р. — Адресъ конторы журнала „Вокругъ Свѣта“, Москва, Тверская, д. 48.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОК !

ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

СТЪ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ И ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕНЪ.

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ
ВЕЗДѢ.

**ОЧЕНЬ
ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ**

варить мыло разныхъ сортовъ моимъ раціон., т. е. правильнымъ и выгоднымъ способомъ. Научаю на практикѣ и заочно. Отъ учениковъ своихъ имѣю уже болѣе 200 благодарственныхъ писемъ, каковыя и впредь надѣюсь получать. Ручаюсь въ этомъ. Условіе обученія и предостереженіе отъ обмана высылаю безплатно. Адресъ: Красноуфимскъ (Пермск. губ.)
мыловару КЛЮКНИНУ Павлу,
собственный мыловаренный заводъ.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣча „Проктоль-Пеля“, новейшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-къ
ПЕТРОГРАДЪ.

ЗНАТНЫЯ ДАМЫ

извѣстнѣе и самыя знаменитыя по красотѣ артистки, отказались отъ употребленія Cold Cream (кольдъ-крема), который ставитъ лицо горькимъ и придаетъ лицу маслянистый видъ. Онѣ вмѣсто него употребляютъ :

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портящійся и соединяющій съ тоническими и мягчительными свойствами драгоценное преимущество сохранять цвѣтъ лица, прелесть и свѣжесть молодости. — ПУДРА СИМОНЪ (La Poudre Simon) и **МЫЛО КРЕМЪ СИМОНЪ** (Le Savon à la Crème Simon), того-же запаха что и **КРЕМЪ СИМОНЪ** и дополняютъ его замѣчательныя дѣйствія.

J. SIMON, 59, Faub. St-Martin, PARIS

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парюмеровъ и аптекарей.

Фирма
основана въ 1903,
удостоена **ВЫСШИХЪ** наградъ
на выставкахъ
въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
ФЛОРЕНЦІИ и проч.

Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

(Нелегал. въ Прагвѣ. Выст. 1916 г. № 226).

ВЫТЯЖКА

изъ
**СЪМЕННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ**

ОРГАНОТЕРАПВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердца, дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается безплатно. Обширная литература по требованію безплатно. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 р. 50 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—безплатно. 2/3-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 140. Телегр. адр.: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготавляется естественнымъ путемъ безо огня и химическаго реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготавленнымъ стерминомъ.

ОТЪ КОНТОРЫ.

При доплатахъ и всякаго рода заявленіяхъ, а также при увѣдомленіи о перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ неперемѣнно прилагать печатный адресъ, безъ котораго справки и перемѣны дѣлаемы не будутъ.

За перемѣну адреса уплачивается три семикопеечныя марки, безъ приложенія коихъ перемѣна адреса дѣлаема не будетъ.

Книги для газаретовъ и сельск. жителей.

Постройка аппарата для вывода дыма—20 к. Устройство дерев. водопровода—15 к. Приготовл. зеленого сыра—15 к. Голландскаго сыра—15 к. Горшечникъ—15 к. Малиарь—15 к. Выдѣлка черепицы—15 к. Вахчеводство—15 к. Ягодный садъ—15 к. Плодовый садъ—15 к. Разработка лѣса на товаръ—20 к. Милловареніе—20 к. Кожеванное—15 к. Молокоуръ и дежкикъ—15 к. Хмелеводство—20 к. Пчеловодъ пастычникъ—20 к. Разв. картофеля—15 к. Плетеніе корзины—20 к. Печникъ—20 к. Крестинскій адвокатъ—30 к. Кирпичникъ—25 к. Льна выращ. и обработка—15 к. Вальяно-войлочное пр.—20 к. Красильщикъ прижи—20 к. Овцеводство—15 к. Развед. огурцовъ—15 к. Развед. капусты—15 к. Какъ узнать и удобрять почвы—20 к. Разведение моркови, брюквы и репы—15 к. Устр. колодезь—20 к. Свиноводство—20 к. Выборъ молочной коровы—20 к. Выборъ лошади—15 к. Столяръ—15 к. Слесарь—20 к. Кузнецъ—15 к. Постр. улья Дадана—20 к. Развед. кроликовъ—20 к. Улич. вредн. насѣк. сада и огорода—15 к. Скотолѣчебникъ—30 к. Плетеніе изъ соломы и камыша—15 к. Издѣл. съ накл. плат. книжный складъ А. Сухова, Петроградъ, Б. Подъяческая, 19 и книжн. складъ М. Петрова, Москва, Волхонка, д. 1. Перес. одной книги стоить 14 к., 2 кн.—18 к., 3 кн.—22 к., 4 кн.—26 к. и 5 кн.—30 к. Наложен. платеж. на 15 к. дороже. При выпискѣ 15 книгъ и болѣе пересылка бесплатно.

16

ОДНА КОРОБКА НАСТОЯЩИХЪ Pastilles VALDA (Лепешекъ Вальда)

правильно и во время примѣненныхъ,
предохранить
ваше ГОРЛО, ваши БРОНХИ, ваши ЛЕГКІЯ
излечить
Вашъ насморкъ, гриппъ, инфлуэнцу, простуду, бронхитъ
астму, эмфизему, пнеймонію и т. п.

ПО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
ТРЕБУЙТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

Неперемѣнно
НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА
(PASTILLES VALDA)

Въ коробкахъ
съ красной бандеролью,
снабженныхъ
именемъ

VALDA
H. C. MONNE
PARIS

АНГЛИЙСКІЙ ГЕОГРАФЪ, „ОТКРЫВШІЙ“ РОССИЮ.

Къ 300-лѣтію со дня смерти Ричарда Гаклюйтъ).

Въ концѣ истекшаго года исполнилось триста лѣтъ со дня смерти знаменитаго англійскаго географа XVI вѣка Ричарда Гаклюйтъ.

У насъ въ Россіи имя Гаклюйта извѣстно очень мало, а между тѣмъ Гаклюйтъ своими трудами много способствовалъ знакомству англичанъ съ Россіей того времени.

Для насъ, русскихъ, труды Гаклюйта цѣнны тѣмъ, что являются крайне важными документами для изученія русской жизни эпохи Ивана Грознаго. Благодаря Гаклюйту мы знаемъ, какъ англичане «открыли» Россію въ половинѣ XVI вѣка и какъ установились англо-русскія отношенія.

Кромѣ того, сочиненія Гаклюйта имѣютъ большую цѣнность и для географіи вообще. Главнѣйшія сочиненія Гаклюйта—«Divers voyages touching the discoverie of America» (Разныя путешествія, касающіяся открытія Америки) и The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discovery of the English Nation, made by sea or overland to

the remote and further Distant quarters of the Earth at any time within the Compass of these 1600 years (Главныя путешествія и открытія англійскаго народа на морѣ и на сушѣ, совершонныя имъ въ отдаленнѣйшихъ углахъ земли за послѣдніи 1600 лѣтъ)—считаются классическими сочиненіями по исторіи географіи. Послѣдній трудъ, изданный Гаклюйтомъ въ первый разъ въ 1589 году въ теченіе трехъ вѣковъ перепечатывался въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Послѣднее изданіе вышло въ Лондонѣ всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это доказываетъ, насколько важно это сочиненіе.

Періодъ, въ который жилъ Гаклюйтъ, является выдающейся эпохой въ исторіи Англии.

Въ концѣ XVI вѣка, послѣ блестящаго уничтоженія «непобѣдимой армады» испанскаго короля Филиппа II, англичане оказались хозяевами морей и со всей присущей имъ энергіей направились во всѣ концы земного шара.

Вторая половина XVI столѣтія для Англии является по преимуществу вѣкомъ путешествій.

Литература, описывающая эти путешествія, росла очень быстро, и Гаклюйтъ оказалъ огромную услугу географической наукѣ, составивъ изъ современныхъ ему сочиненій и разказовъ своего рода энциклопедію путешествій въ трехъ томахъ.

Материалы для этой энциклопедіи Гаклюйтъ бралъ не только изъ напеча-

танныхъ уже книгъ, но и изъ устныхъ разказовъ участниковъ той или иной экспедиціи, собирая ихъ, гдѣ только было можно.

О самомъ Ричардѣ Гаклюйтѣ сохранилось очень мало свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ родился около 1553 г. въ Герфордскомъ графствѣ. Въ 1577 г. онъ окончилъ Оксфордскій университетъ и сначала былъ преподавателемъ географіи въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ 1583 г. онъ собирался ѣхать въ путешествіе съ сэромъ Гемфри Джилбертомъ, но по какой-то причинѣ остался въ Англии и тѣмъ самымъ спасся отъ гибели, постигшей эту экспедицію.

Впослѣдствіи онъ принялъ духовное званіе и жилъ въ теченіе пяти лѣтъ въ Парикѣ въ качествѣ духовника англійскаго посланника при французскомъ дворѣ.

Вернувшись въ Англию, Гаклюйтъ занималъ разныя духовныя мѣста въ Бристолѣ и умеръ въ санѣ архидіакона Вестминстерскаго аббатства въ Лондонѣ.

Умеръ онъ въ ноябрѣ 1616 года—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Шекспира и былъ похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, но могила его осталась неизвѣстной.

Въ Англии въ настоящее время существуетъ въ память Гаклюйта—«Гаклюйтовское общество», издающее книги по исторіи путешествій.

H. J.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, приключеній, науки и литературы.

Контора журнала: Москва, Тверская, д. № 48. Тлф. 5-39-39. — Редакция: Пятницкая, д. № 81. Тлф. 3-62-58.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовые марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверская, домъ № 48, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина. За перемѣну адреса уплачивается городскими и иногородними подписчиками 30 коп. почтовыми марками. Отдѣльный № журнала 10 к., съ книгой — 50 к. (съ перес.).

о о о УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1917 г. о о о
60 №№ журнала. 36 книгъ I серии полного иллюстрированнаго собранія сочиненій Жюль Верна, 12 №№ иллюстр. ежемѣсячника Журналъ Приключеній и 12 вып. иллюстрированнаго руководства общественаго и практическаго самообразованія молодежи по системѣ „скаутингъ“, сочиненіе Р. Баденъ Поуэлла.
Подписная цѣна со всѣми приложениями, безъ дѣленія на обонемнты, на годъ **14 р.** Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, 5 р. къ 1 апрѣля и 4 р. къ 1 июля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ журналъ „Вокругъ Свѣта“ по 80 коп. за строку конпарели позади текста и 1 руб. впереди принимаются въ Москвѣ — въ конторѣ журнала: Тверская, домъ Т-ва И. Д. Сытина, № 48; въ Петроградѣ — въ конторѣ объявленій Дальштремъ, Екатеринбургскій каналъ, 27 и въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина: Невскій, 68.

ЦАРИЦА СОПОКЪ.

Разсказъ Б. Скубенко-Яблоновскаго.

Я находился въ дѣбряхъ Марьинской тайги, окруженный со всѣхъ сторонъ цѣлымъ моремъ безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Одѣтые въ зимній уборъ, они казались еще болѣе угрюмыми; тяжкія глыбы снѣга, обвиснувъ на мощныхъ вѣткахъ столѣтнихъ тасжныхъ великановъ, сурово затѣняли легшую подъ ними бѣлую пелену. На огромномъ пространствѣ причудливо спутался буреломъ. Здѣсь и тамъ, извороченныя съ корнями хвойныя деревья, опрокинувшись другъ на друга, образовали цѣлыя горы и холмы. Толстый слой снѣга прикрылъ ихъ, предательски скрывъ колодцы и продушины, куда ежеминутно можно было провалиться вздумавшему пройтись по этимъ снѣжнымъ холмамъ.

Подъ ними же — цѣлыя лабиринты многочисленныхъ звѣровыхъ тропъ. Сюда забіраются и соболь и куница, здѣсь рыщутъ волки, лисицы, вкрадчиво, воровски продвигается хищная рысь, и тутъ же, гдѣ-нибудь неподалеку, подъ отдѣльнымъ шатромъ изъ корневищъ, когда-то сваленныхъ бурей деревьевъ, залегаетъ огромный двадцатипятипудовый тасжный великанъ — бурый медвѣдь.

Онъ дремлетъ, ему грезятся сны о вѣшнемъ выходѣ, когда онъ, отлежавши бока за долую зимнюю спячку, впервые выйдетъ изъ своего потайнаго подземнаго убѣжища на Божій свѣтъ и съ жадностью накинется на клюкву, отлично сохранившуюся на болотахъ подъ снѣгомъ или съ неменшимъ аппетитомъ станеть уничтожать едва проглянувшую изъ-подъ земли на проталинахъ сочную траву.

И онъ спитъ, а вокругъ него, подъ снѣжнымъ саваномъ, рыщутъ разные звѣри. Здѣсь вѣчное движеніе и вѣчная борьба за существованіе. На изгибахъ лабиринтовъ, подъ крышей изъ сотенъ и тысячъ деревьевъ, оди-

Палецъ нажалъ курокъ, но, о ужасъ, въ это самое время я почувствовалъ легкій голчокъ въ спину...

звѣрь подсиживаетъ другого и скрытно разыгрываются кровавыя расправы.

Снѣжные холмы, упавшіе на буреломъ, молчатъ. Они не выдадутъ свершившихся въ глубокихъ лабиринтахъ кровавыхъ драмъ. И только, ставшіе надъ буреломомъ еще могучіе кедръ, ели, сосны и пихты, вдругъ обрываютъ книзу бѣлый клокъ своей одежды и снова неподвижно затаются.

И чудится, будто всѣ деревья, обступившія буреломъ, сбрасывая клочья своихъ одеждъ на бѣлоснѣжные холмы, угрюмо шепчутъ: «Мы охраняемъ тайну вершинного подъ павшимъ буреломомъ! Каждый клокъ нашей снѣжной одежды, упавшій внизъ, усугубляетъ наше молчаніе! Мы вѣчные стражи его!»

Изрѣдка въ мрачномъ кедровникѣ простучитъ своимъ клювомъ вѣчный непосѣда-дятель, и опять недвижная, душу пригнетающая тишь. Но въ ней и своеобразная поэзія жизни нетронутыхъ еще рукою человѣка дѣвственныхъ лѣсовъ. Стоитъ только вслушаться и отдаться во власть потайныхъ таежныхъ чаръ, какъ тотчасъ же передъ взорами встанутъ необычныя, полныя несказаннаго волшебства, картины, а таежный сумракъ наполнится сказочными призраками.

Нѣскольکو шаговъ впередъ,—и среди хаоса сваленнаго лѣса вдругъ обвиснутъ, словно щупальцы чудовищнаго моллюска—корневища вскинутаго кверху дерева; убранныя снѣгомъ, они, похожи на бѣлые огромные грибы или на не менѣе чудовищные зонтики. Тутъ же рядомъ—восьмисаженные пни,—то расщепленные сверху допизу, то отрѣзанные, какъ ножомъ, и стоящіе, какъ огромныя сбитыя колонны.

Подъ дыханіемъ бури эти мощныя деревья наполовину устояли, и, какъ памятники, вытянулись надъ своими павшими товарищами.

По такимъ дикимъ дебрямъ тайги я продвигался съ китайцемъ-звѣроловомъ Чжай-лыномъ, въ фанзѣ котораго остановился.

Давно уже я скитался по Маньчжурской тайгѣ, знакомясь по пути съ фауной и флорой далеко еще неизслѣдованнаго края.

Съ надежными товарищами въ тайгѣ можно бродить. Ихъ у меня было двое: мой товарищъ—бывалый спортсменъ, и отставной казакъ-амурецъ, смѣлый охотникъ на хищнаго звѣря.

Еще съ вечера, накануне ухода въ тайгу, бесѣдуя у лымнаго очага фанзы, казакъ-амурецъ, сказалъ:

— Подходить Рождество, а мы безъ окорога, безъ колбасы! По старому обычаю, слѣдовало бы и намъ заготовить хорошей снѣдью!

Никто изъ насъ не возразилъ на это. Всѣ были согласны съ старымъ казакомъ, а у китайцевъ, промышленниковъ мелкаго звѣря, какъ говорится, слюнки потекли.

— Шибко хороша! — причмокивалъ ртомъ старикъ-маньчжуръ—отецъ Чжай-лына.

— Хо, хо! — вторилъ ему сынъ.

Оба китайца мечтали о пельменяхъ изъ мяса дикаго кабана, мы—объ окорокахъ и колбасахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Отчего бы намъ не отправиться на охоту? — обратился съ вопросомъ ко всѣмъ намъ старый казакъ съ обвѣтреннымъ почернѣвшимъ отъ дыма и копоти очаговъ чадныхъ фанзъ лицомъ. Длинныя усы его, обвисавшіе книзу, придавали его четырехугольному облику суровое выраженіе, а плотно сжатые губы крупнаго рта выявляли особую складку, тянущуюся къ плотному подбородку, и безъ словъ, ярко говорившую о желѣзной энергіи этого, видавшаго всякіе виды, сильнаго человѣка. Крѣпкое тѣло его, казалось, чѣмъ дольше скиталось по дикой тайгѣ, тѣмъ больше приобрѣтало выносливости и мощи; въ глазахъ отражалась особая зоркость. Ясно читалось

во взорѣ, что звѣролову постоянно приходилось быть насторожѣ. Сурово пронизательный взглядъ стараго казака будто сразу прикидывалъ: что и какъ сдѣлать, безъ всякаго замѣшательства, съ полной увѣренностью въ своихъ силахъ и умѣніи; носъ съ горбиной, смѣло очерченный, съ широкими ноздрями, захватывавшими на бѣгу въ тайгѣ за звѣремъ много воздуха, дополняли характеръ мужественныхъ чертаній.

Такое смѣлое лицо словно говорило: «Мнѣ и самъ чортъ не братъ! Выше хватай! Все мы перенесли и со всѣмъ свѣклись! Видали и ужасы! Смотрѣли въ упоръ имъ!»

Съ такимъ спутникомъ итти въ тайгѣ—надежно. Не выдасть въ случаѣ опасности.

— Почему бы не пойти намъ завтра за свинойной?—продолжалъ казакъ.—Вѣдь здѣсь не покупать ея?! Сметка, ноги да вѣрный глазъ—вотъ и есть пожива!

— Далекое до дубняковъ,—замѣтилъ мой товарищъ.—Верстъ тридцать отсюда. По пути два, три увала, каменистыя розсыпи. Ко всему этому адскій морозъ.

— Го!—воскликнулъ казакъ.—Мороза бояться?! Да что мы?!—барышни, что ли?! На морозѣ разойтись теплѣй, чѣмъ на канѣ¹⁾ въ фанзѣ!—и, затаившись дымомъ изъ своей носогрѣйки, добавилъ:—Вы какъ хотите, а мнѣ не усидѣть! Никакъ не могу двухъ дней просидѣть безъ дѣла! Хотѣ и кусается морозъ, да все милѣй на волѣ въ тайгѣ! А что кабановъ найдемъ,—увѣренъ! Если тигры не перегнали стада,—въ ближнемъ дубнякѣ найдемъ свиней, а псохотились за ними,—подъ крутыя сопки итти. Нынче жолудя много уродилось. Есть чѣмъ кормиться кабаню.

Увѣренія казака такъ бычи убѣдительно, что товарищъ сдался на посулы. Я же не заставилъ себя упрямиться.

Рѣшили разбиться на двѣ группы. Товарищъ пойдетъ съ казакомъ въ одну сторону, а я съ китайцемъ, Чжанъ-лыномъ, хорошо знавшимъ тайгу на многіе десятки верстъ вокругъ, въ другую.

Мой спутникъ Чжанъ-лынь, пронырливый, сутулый китаецъ—обладалъ недюжинной силой. Раскосые глазки его внимательно заглядывали за каждый кустъ, словно ежеминутно видѣли тамъ притаившуюся опасность.

Лицо Чжанъ-лына поражало своей удлинненностью, напоминая формой чарджуйскую дыню. Носъ не гармонировалъ съ обликомъ. Широкий, вдавленный въ переносицѣ, онъ обладалъ подвижными ноздрями, вдругъ какъ-то особенно тревожно вздрагивавшими, когда намъ приходилось пробираться по грудамъ бурелома. Чжанъ-лынь свободно продвигался по уваламъ. Его крѣпкія, выгнутыя колесомъ ноги, высокая грудь и широкія плечи ясно говорили, что онъ важный ходокъ.

Зная, что Чжанъ-лынь промышленляетъ звѣря исключительно при помощи силковъ и поставушекъ, я не ожидалъ отъ него искусства въ стрѣльбѣ или смѣлости при возможномъ нападеніи хищниковъ.

Однако изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ отъ Чжанъ-лына, что онъ «шибко мога бумъ-бумъ!» Последнее на русскомъ языкѣ означало «Хорошо могу стрѣлять!»

Случая подтвердить это не представлялось.

Пока что, мы шли черезъ холмы и горы бурелома. Каждый шагъ доставался намъ дорогой цѣной. Мѣстами мы теряли лыжи, которыя вдругъ проскальзывали куда-то въ подземные ходы.

Съ изумительной ловкостью мой спутникъ извлекалъ ихъ изъ преисподней, появляясь изъ предательскаго колодца, весь запорошенный снѣгомъ.

Въ такія минуты лицо его принимало тревожное строгое выраженіе. Это было вполнѣ понятно. Лыжи

¹⁾ Канъ — узкая лежанка китайской фанзы.

попадали въ крытыя галлерей, гдѣ можно было столкнуться съ звѣремъ. Такія галлерей мѣстами давали возможность итти человѣку во весь ростъ. Сводъ изъ перевѣрь опирался на огромныя толстыя пни, которые надежно поддерживали всю тяжесть бурелома.

Нѣсколько сотъ шаговъ—и уже не однѣ лыжи стали проваливаться. Сунулись и мы въ глубокія, запырошонныя снѣгомъ клѣтки. Чтобы снова пробраться кверху, приходилось нѣкоторое время провигаться длинными галлерейми. Жутко и мрачно было въ темныхъ извилистыхъ лабиринтахъ. На каждомъ шагу мы могли наркнуться на звѣриную засаду. Здѣсь свободно могли скрываться и тигры.

Двадцать, тридцать шаговъ по этимъ галлерейамъ казались жуткой вѣчностью. Съ боковъ подземныхъ лабиринтовъ выпирало такъ много толстыхъ бревень, сучьевъ и пней, что на каждомъ шагу образовывались какъ бы норы и впадины, гдѣ удобно было скрыться хищнику.

Въ болѣе удобныхъ мѣстахъ выбирались кверху со вздохомъ облегченія.

— Худа есть хѳди тѳ! (Плохо ходить тутъ),—съ тревогой замѣчалъ китаецъ, отряхиваясь отъ густе набивагося снѣга.

Я соглашался съ своимъ спутникомъ, но продолжалъ брести впередъ по этимъ предательски засыпаннымъ снѣгомъ коледцамъ и клѣткамъ.

Пересѣкая буреломъ по прямой линіи, мы немного сокращали путь къ пѣли нашего стремленія.

Чуть ли не въ десятый разъ выбираясь изъ мрачной преисподней, Чжанъ-лынь вдругъ спросилъ:

— А ты нѣтъ боишься, кади будя пада на Хый-шяза?! (А ты не боишься, если попадетъ медвѣдь?!).

Этотъ вопросъ китаецъ сзадчилъ меня.—Попасть въ страшныя объятія Толгыгина, это навѣрное—не увидѣть больше ни тайги ни своихъ пріятелей. И никто не будетъ знать, что свершилось подъ снѣжнымъ саваномъ! Могучіе кедръ и сосны великаны попрежнему, неподвижно склонивъ свои мрачныя головы, будутъ хранить свое упорное, дѣду гнетущее молчаніе...

Наконецъ, дикій хаосъ бурелома прейденъ. Мы постепенно стали забирать въ гору. Издали уже можно было видѣть высокія, покрытыя снѣгомъ сопки. Возвышаясь одна за другой онѣ вдаль увѣнчивались «Царь-сопкой», уходящей къ небу смутно обрисованнымъ бѣлымъ шатромъ.

Чжанъ-лынь остановился и съ странной тревогой въ лицѣ сказалъ мнѣ:

— Ты видишь Голубую сопку?! Верхніе гребни ея тянутся на темно-синемъ небѣ, какъ бѣлое кружево, пришитое къ китайской дрели (матерія.) Мѣсто это священное! На главной сопкѣ живетъ царь тигровъ съ своей тигрицей. Никто изъ звѣролововъ не долженъ заходить выше первыхъ двухъ сопокъ, такъ какъ тамъ уже начинаются владѣнія грозныхъ «ляо-ху». Горе охотнику, проникшему дальше! Онъ будетъ растерзанъ въ клочья. Никакая пуля не можетъ срывать священнаго ляо-ху!

До нѣкоторой степени слеза сусѣрнаго китаецъ были справедливы. Въ неприступныхъ каменистыхъ розсыпяхъ главной сопки русскіе смѣльчаки-охотники видѣли множество тѣ ровыхъ слѣдовъ. Царственные звѣри пробили тамъ цѣлыя тропы, и вольно расхаживаютъ, высматривая сверху свою добычу, за которой и спускаются въ ближайшія долины. Свершивъ же набѣгъ, снова уходя въ неприступныя каменныя розсыпи, гдѣ скрываются въ трупобахъ. Безопасно подойти къ нимъ на выстрѣль нѣтъ возможности. Группами живущіе звѣри тотчасъ же смѣтять дерзкаго смѣльчака и устроить на него облаву.

Чжанъ-лынь продолжалъ:

— Мы оставимъ въ сторонѣ Царь-сопку. Да будетъ тебѣ извѣстно, что она называется «Тигровой горой». Когда я думаю о скепсисѣ грозныхъ «ляо-ху» на верхней сопкѣ, кровь моя начинаетъ стынуть, наполюбіе скованной морозомъ рѣки!

Я взглянулъ на сопку, и она невольно показалась мнѣ какой-то сказочной.

Дѣвственность природы и фауны вселяетъ въ душу тревожно величественное влеченіе. Вольный обѣгъ царственнаго мощнаго звѣря, обладающаго страшной силой, заставляетъ почувствовать нѣчто выходящее изъ ряда обычныхъ впечатлѣній.

Торжественный тонъ рѣчи китаецъ, его тревога и вѣщес предостереженіе укладывались въ душу своеобразнымъ настроеніемъ.

— Будь же остороженъ! — добавилъ звѣроловъ. — Когда собаки даже самыя злыя, приближаются къ Царь-сопкѣ, слѣ трусливо поджимаютъ свои хвосты и дрожать, какъ листья на деревьяхъ въ непогоду! Страхась грознаго звѣря, эти псы кидаются къ ногамъ звѣролова и жмутся къ нимъ, какъ безпомощный младенецъ къ матери! Знаешь ли теперь, какой тяжкій трепеть разлитъ въ этой священной мѣстности?! Царь-сопка—это вѣчное убѣжище для грозныхъ ляо-ху!

Китаецъ-звѣроловъ передавалъ мнѣ все это на ломаномъ русскомъ языкѣ, но все же я уяснилъ себѣ его тарбарскую рѣчь.

Заканчивая свое предостереженіе, онъ протянулъ свою правую руку по направленію ближайшихъ сопокъ и сказалъ:

— Ту низя дѣлай бамъ-бамъ ляо-ху! (Тутъ нельзя стрѣлять по тигру). Въ долину можетъ сойти самъ «царь сопки». Но горе посягнувшему на него!

Еще пять-шесть верстъ—и мы очутились у второй сопки, за которой открывалась обширная долина. сплошь поросшая дубнякомъ. Здѣсь мы ожидали встрѣтить стадо дикихъ кабановъ.

Намъ не слѣдовало забывать, что за кабанамъ постоянно слѣдуютъ тигры, которые, главнымъ образомъ, и питаются кабаньимъ мясомъ.

По китайскому выраженію, мы должны были «повѣсить уши на гвоздь вниманія».

Не успѣлъ я обогнуть скальстаго выступа, несходящаго въ долину, какъ тотчасъ же замѣтилъ множество кабаньихъ слѣдовъ. На ряду съ ними шли огром-

ные отпечатки тигровых лапъ. Но слѣды хищниковъ были давніе.

Осторожность наша удвоилась. Глаза внимательно охватывали все вокругъ. Возможно было, что вскорѣ мы наткнемся и на свѣжіе слѣды тигровъ.

Вверху передъ нами протянулась совершенно отвѣсная скала высотой до десятка саженей. Въ одномъ мѣстѣ она была загромождена камнями и валунами разной величины.

Чжанъ-лынь и я—оба мы почти мгновенно взглянули на зубчатый край скалы. За нимъ притаилось что-то желтое, какъ будто сдѣлавшее плавное движеніе въ сторону.

Такъ какъ насъ скрывала группа довольно высокыхъ елей, то звѣрь, находившійся на отвѣсной скалѣ, могъ насъ и не замѣтить.

Моментъ,—и вдругъ я замѣтилъ крупную голову тигра, лобасто выставленную изъ-за каменной глыбы.

Лобастая голова хищника ясно была видна на разстояніи какихъ-нибудь сорока шаговъ.

Руки мои тотчасъ же осторожно приподняли винтовку... Отъ волненія я едва дышалъ, сердце прыгало, какъ изступленное. Еще бы?! Такой рѣдкостный трофей на самой близкой дистанціи! Промеха не могло быть! Казалось, мнѣ суждено было свалить звѣря пулей въ лобъ въ то самое время, когда я думалъ, что врядъ ли вскорѣ увижу его.

Вотъ уже мушка уперлась въ могучій лобъ хищника, воровски смотрѣвшаго немного наискось отъ насъ. Помню, я ясно видѣлъ длинныя черныя полосы на лбу тигра, особенно отчетливо легшія на желтой шерсти.

Палецъ нажалъ курокъ... Но, о ужасъ!.. Въ это время я почувствовалъ сзади себя легкой толчокъ въ спину...

Грянулъ выстрѣлъ... и я видѣлъ, какъ огромный хищникъ, сдѣлавъ мощный прыжокъ, скрылся въ каменной розсыпи...

Я готовъ былъ побить того, кто толкнулъ меня въ плечо въ моментъ выстрѣла. Слишкомъ исключительная минута, чтобы не вспыхнуть яримъ гнѣвомъ.

Позади меня стоялъ поблѣднѣвшій Чжанъ-лынь и заплетающимся языкомъ повторялъ одно и то же:

— Шань-ванъ!.. Шань-ванъ!.. А ты мога стрѣляй?! Худа есть!..—и вслѣдъ за этимъ онъ быстро залопоталъ на своемъ тарбарскомъ нарѣчій какія-то заклинанія.

Вначалѣ я ничего не понималъ. Что такое «Шань-ванъ?!» Послѣ долгихъ разспросовъ мнѣ, наконецъ, удалось понять Чжанъ-лына.

— Передъ нами была сама «царица сопокъ»—взволнованно твердилъ китаецъ. Это она—«Шань-ванъ!» т.е. отмѣченная самимъ Лао-цзы! (Верховное существо). Она царствуетъ надъ всѣми звѣрями на сопкахъ, и всѣ они повинуются ей! Никогда не поднимай на нее руки! Иначе вскорѣ всѣ «ляо-ху» узнаютъ объ этомъ и станутъ жестоко мстить за свою царицу! Благодарю судьбу, что за спиною у тебя стоялъ я, Чжанъ-лынь, узнавшій «царицу сопскъ» по ея особымъ чернымъ полоскамъ на лбу! Убить «Шань-ванъ», это значитъ принять на душу великій, тяжкій грѣхъ!

Впослѣдствіи я узналъ отъ другихъ, не менѣе суевѣрныхъ китайцевъ-звѣролововъ, что на лбу «царицы сопокъ» изображенъ черными симметрическими полосками китайскій іероглифъ «ванъ».

Суевѣрный Чжанъ-лынь былъ увѣренъ, что особья черныя отмѣтины на лбу тигрицы и есть этотъ іероглифъ.

— Хорошо, что я толкнулъ тебя!—не унимался звѣроловъ.—Теперь ты свободенъ отъ великаго грѣха! Мнѣ же будетъ награда отъ Лао-цзы!

Въ то самое время, какъ Чжанъ-лынь торжествовалъ, я былъ раздосадованъ донельзя, едва сдерживая себя, чтобы не разразиться достойнымъ вразумленіемъ по адресу желтокожаго.

— Пойдемъ, посмотримъ хотя на слѣдъ!—сказалъ я суевѣрному китаецу.—Быть-можетъ, это и не тигрица?!

— У тигра голова другая!—упорно завѣрялъ Чжанъ-лынь. Да и по слѣдамъ ты увидишь. Это тигрица! Чжанъ-лынь, долго жившій въ тайгѣ, не ошибся!

Для того, чтобы попасть на отвѣсную скалу, намъ пришлось пройти съ полверсты впередъ и потомъ вернуться къ мѣсту, гдѣ выглянулъ хищникъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЛЕФТЬ КАЛЪЯКУДЪ.

Греческая легенда Евгенія Баранова.

I.
Надъ цвѣтущей Греціей, надъ страной ярко блестящаго солнца и лазурныхъ водъ, собрались темныя тучи: турки нахлынули на нее громадной дикой ордой, пронесли по ней бурей. И вся она окуталась дымомъ горѣвшихъ селъ, деревень и городовъ, вся омылась слезами и кровью поработеннаго народа.

По селамъ и деревнямъ зарыскали турецкіе сборщики податей, зарыскали голодные волки. Грабили они народъ, а кто имъ сопротивлялся, того убивали. Въ городахъ сѣли развратныя и ненасытно-жадные паши-правители.

Окружили они себя свирѣпыми башибузуками и дели-башами, творили надъ народомъ судъ и расправу. И былъ судъ ихъ неправый, расправа была жестока.

Въ народъ они показывались рѣдко, но знали, что дѣлается въ городѣ, знали и многое изъ того, что говорилось о нихъ на базарахъ, въ кофейняхъ и семейныхъ домахъ. Десятки соглadataевъ, десятки двуногихъ шакаловъ бродили по городу, всюду заглядывали, всюду прислушивались, принимались и потомъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ доносили пашѣ, своему повелителю. И несчастье постигало того человѣка, о которомъ они много пашѣ говорили: если онъ былъ богатъ—лишался свободы и имущества, если былъ бѣденъ—лишался головы.

Забитый и запуганный народъ влачилъ жизнь раба покорно и терпѣливо. И когда ему становилось особенно больно и тяжело, онъ плакалъ горькими слезами, и въ слезахъ слагалъ свои нѣсни, унылыя и печальныя пѣсни рабовъ.

И жизнь народа была безъ просвѣта, какъ темная, жуткая ночь.

Но и въ темныя ночи вспыхиваютъ яркія звѣзды, и тьма не въ силахъ побѣдить ихъ свѣтъ. Подобно этимъ звѣздамъ, среди угнетеннаго народа являлись люди, сердца которыхъ горѣли великою любовью къ родной землѣ, корчившіеся въ мукахъ подъ грозной пятой поработителя.

Такими людьми были клефты Кальякуды и тридцать три вѣрныхъ его товарища. 1) Тридцать три сокола было, а Кальякуды, старый и опытный соколъ, былъ старшимъ надъ ними.

Пятый десятокъ лѣтъ доживалъ Кальякуды на свѣтѣ. Годы посеребрили его черные волнистые волосы, но сохранили въ немъ юное сердце, сохранили ему силу и твердость рукъ и зоркій, мѣткій глазъ.

Въ легкомъ корветѣ о трехъ высокихъ мачтахъ надъ бѣлыми парусами и голубымъ флагомъ носился онъ по синему морю и нападалъ на торговые турецкіе корабли. Среди ночи или на разсвѣтѣ, въ бѣлой мглѣ предутренняго тумана, корветъ, крадучись, подплывалъ къ кораблю. По безмолвной командѣ атамана съ корвета

носили на корветъ, а корабль зажигали и уходили далеко въ море.

Въ пламени корабль качался на волнахъ, потомъ отъ него оставался лишь дымившійся остовъ.

Въ часъ прибою разыгравшіяся волны подхватывали его на свои сѣдые хребты и съ веселымъ шумомъ несли на прибрежныя скалы. О каменную грудь ихъ разбившись, онѣ обратно въ море уходили, а въ бѣлой пѣнѣ ихъ, кружась, купались черныя щепки—все то, что оставалось отъ сожженнаго корабля.

II.

Не одинъ и не два, а десять большихъ турецкихъ кораблей взяли и сжегъ Кальякуды.

Видѣнія древней Греціи. Общій видъ Акрополя, высящагося надъ Афинами.

на корабль перебрасывался легкой мостъ. И по этому мосту на корабль вбѣгали первымъ Кальякуды, а слѣдомъ за нимъ вбѣгали товарищи. Свои длинноствольные пистолеты они разряжали въ испуганныхъ турокъ и принимались рубить ихъ ятаганами и кривыми саблями.

Никому не давали они пощады — ни старому ни малому. Золото, шелковыя ткани, порохъ и оружіе пере-

До служба султана дошла вѣсть объ этомъ, разгнѣвался онъ и своему намѣстнику въ Греціи прислалъ грозный фирманъ:

«Не носить тебѣ на плечахъ головы, если ты не уничтожишь клефты Кальякуды!»

Испугался намѣстникъ и на поиски клефтовъ снарядилъ три военныхъ корабля—каждый съ двадцатью мѣдными пушками.

Пять дней капитаны искали клефтовъ и нигдѣ найти не могли, а на шестой день рано утромъ увидѣли ихъ корветъ: онъ стоялъ близъ берега, поросшаго лѣсомъ, и на самой высокой мачтѣ его голубой флагъ развѣвался. Всѣ три корабля направились къ корвету и путь ему заградили. На выстрѣлъ подошли они къ нему, и огонь открыли изъ шестидесяти пушекъ.

Первое ядро руля корвета разбило, а два другихъ сломали мачту съ голубымъ флагомъ. Граната разорвалась на палубѣ, и многіе изъ товарищей Кальякуды.

1) Какъ извѣстно, въ настоящую великую войну Греціи, вслѣдствіе постыдной политики ея короля и его правительства, состоящаго изъ продажныхъ нѣмецкихъ приспѣшниковъ, выпала жалкая роль въ общемъ ходѣ мировыхъ событій. Но было время, когда Греція, борясь за свою свободу, вызывала удивленіе своимъ мужествомъ. Борьбу эту начали и кончили клефты. Клефты — то же самое, что въ Сербіи гайдукъ: буквально — разбойникъ. Но разбойникомъ онъ былъ только по отношенію турокъ. Для своего же народа онъ — герой, самоотверженный человѣкъ, отдавшій свою жизнь борьбѣ за освобожденіе родины. Одному изъ эпизодовъ этой героической борьбы посвящена настоящая легенда.

кровью обливаясь, упали съ тѣмъ, чтобы ужь больше не встать.

Оборванные паруса корвета повисли безсильно, какъ перебитыя крылья раненаго орла.

И увидѣлъ Кальякудь, что уже не пойти корвету легкой чайкой и не скрыться ему отъ враговъ.

И крикнулъ онъ товарищамъ:

— Братья! У кого есть силы плыть, бросайся въ море: берегъ недалекъ. Я же брошусь послѣдній, лишь только взорву корветъ.

А ядра и гранаты все падали и падали, и все меньше и меньше оставалось въ живыхъ товарищей Кальякуда. Слова атамана не остались безъ отвѣта: одинъ изъ клефтовъ, которому осколкомъ ядра перебило ногу, обратившись къ нему, сказалъ:

— Братъ нашъ Кальякудь! Ты Греціи нуженъ—плыви къ землѣ родной и передай ей нашъ послѣдній прощальный привѣтъ, а я взорву корветъ и вмѣстѣ съ нимъ похороню себя и товарищей на днѣ глубокаго моря.

А пушки все гремѣли и гремѣли, и ядра падали и падали на корветъ.

Внялъ словамъ клефта Кальякудь и, обращаясь къ раненымъ товарищамъ, снова крикнулъ:

— Прощайте, братья!

Кинулся онъ въ море и поплылъ къ берегу. Съ нимъ бросилось десять клефтовъ—всѣ тѣ, которые отъ ядеръ и гранатъ уцѣлѣли.

Немного отплылъ Кальякудь, а позади уже раздался грохотъ взрыва. Повернуль онъ голову, оглянулся и не увидѣлъ корвета. И застоналъ онъ, какъ тяжело раненый.

А море сильно разволновалось: не хотѣло оно упустить своей добычи. Не справились съ волнами десять клефтовъ и пошли на дно моря могилу искать.

И Кальякудь тоже выбился изъ силъ, но море пощадило его—выбросило на берегъ. И лежалъ онъ на пескѣ, весь мокрый, безъ движенія, какъ мертвый—глаза его закрылись, и лицо посинѣло.

III.

На ту пору недалеко отъ берега, у лѣсной опушки, бѣдный пастухъ, молодой парень Янко, пасъ маленькое стадо овецъ.

Онъ слышалъ пушечные выстрѣлы, видѣлъ гибель корвета, видѣлъ, какъ море выбросило клефта.

Подбѣжалъ онъ къ нему, поднялъ его на плечо и повесъ въ лѣсъ, въ уединенную, давно знакомую ему пещеру. За пороховымъ дымомъ турки съ кораблей не замѣтили его и вдогонку ему не послали гранаты.

Въ пещерѣ онъ положилъ клефта на землю лицомъ внизъ, поднималъ его за ноги и покачивалъ изъ стороны въ сторону. И выбросилъ клефтъ воду, которой наглотался въ морѣ, тяжело вздохнулъ и открылъ глаза. Сѣлъ онъ потомъ, мутнымъ взглядомъ обвелъ пещеру, глянулъ на пастуха. А тотъ, не обращая на него вниманія, насбиралъ сухихъ сучьевъ, принялся огонь разводять.

Когда костеръ разгорѣлся ярко, онъ сказалъ клефту:

— Раздѣвайся, одежду суши и самъ грѣйся, а я сбѣгаю къ стаду...

Кальякудь пристально посмотрѣлъ пастуху въ глаза и прочелъ въ нихъ, что тотъ не предастъ его. Молча кивнулъ онъ ему головой, вынулъ изъ-за пояса два пистолета и ятаганъ, потомъ началъ снимать съ себя мокрое платье.

А пастухъ вышелъ изъ пещеры и скоро вернулся съ барашкомъ, зарѣзалъ его, освѣживалъ, аккуратно надрѣлъ на деревянный вертелъ куски мяса и принялся ихъ жарить.

Клефтъ высушилъ платье, одѣлся, сѣлъ у костра и, обхвативъ руками колѣни, угрюмо смотрѣлъ на огонь.

Мясо некрилось. Пастухъ взялъ плоскій камень, поставилъ его передъ клефтомъ, а на камнѣ разложилъ снятое съ вертела мясо, пшеничную лепешку и кусокъ соленаго овечьаго сыра, которые досталъ изъ сумки. вистѣвшей у него черезъ плечо.

— Кушай, братъ,—привѣтливо сказалъ онъ клефту,—подкрѣпляй свои силы...

Клефтъ медленно поднималъ голову и, какъ раньше, испытующе посмотрѣлъ на пастуха.

— Знаешь ли ты, кто я?—спросилъ онъ.

— Знаю,—спокойно отвѣтилъ пастухъ,—ты клефтъ Кальякудь. Раньше никогда я не видѣлъ тебя, но я не глухой: слышалъ, что говорить о тебѣ людская молва. Утромъ я слышалъ пушечные выстрѣлы, видѣлъ, какъ погибалъ корветъ, и сказалъ я самъ себѣ: этотъ корветъ брофто Кальякуда. И потому я такъ сказалъ, что въ другой корветъ турки не стали бы стрѣлять изъ пушекъ съ тѣхъ кораблей...

— Правда,—промолвилъ Кальякудь,—то былъ мой корветъ и на немъ было со мной тридцать три товарища. а теперь я остался одинъ...

— А я развѣ не твой товарищъ?!—воскликнулъ глубоко огорченный пастухъ.—Правда,—продолжалъ онъ,—я еще молодъ, но стрѣляю безъ промаха и не плохо рублю... Кальякудь!—снова воскликнулъ онъ, и огненной страстью зазвучалъ его голосъ.—Возьми меня въ товарищи!

Вспыхнули глаза клефта. Быстро онъ поднялся и пастуха привлекъ къ своей груди.

— Ты спасъ мнѣ жизнь!—сказалъ онъ.—Не товарищемъ, а побратимомъ будь моимъ.

И оба, клефтъ и пастухъ, надрѣзали мизинцы лѣвой руки, накапали изъ нихъ крови въ маленькую глиняную чашечку, смѣшали кровь, коснулись ея губами и братски обнялись. 2)

— Не разстанемся до смерти!—сказалъ клефтъ.

— Не разстанемся до смерти!—повторилъ пастухъ.

Потомъ они усѣлись вокругъ огня, ѣли сочную баранину, ѣли хлѣбъ и сыръ.

IV.

Ликовалъ намѣстникъ, узнавъ о гибели клефтовъ, и тотъ же часъ отправилъ къ султану гонца съ радостной вѣстью. Вскорѣ гонецъ возвратился и отвѣтъ султана привезъ: то былъ милостивый фирманъ, которымъ его величество, «преемникъ пророка и его тѣнь на землѣ» благодарилъ за вѣрную и усердную службу его свѣтлости великаго визиря, своего намѣстника въ Греціи.

На радостяхъ намѣстникъ устроилъ пиръ. Въ дворцѣ гремѣла музыка, въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ.

Но не миновало и одного мѣсяца, какъ народная молва уже снова заговорила о Кальякудѣ. Изъ лѣсовъ вышла эта молва, по степной дорогѣ побѣжала, по деревнямъ селамъ и городамъ распространилась. И говорила она о томъ, что Кальякудь счастливо избѣжалъ смерти и, слова собравъ вокругъ себя не тридцать три, а сто тридцать товарищей, грабилъ на большихъ дорогахъ турецкіе купеческіе караваны.

Въ резиденцію намѣстника дошла эта молва и въ дворецъ его проникла.

Одинъ изъ сановниковъ его свѣтлости, его главный наушникъ, съ рабской почтительностью склонился передъ нимъ и тихимъ голосомъ докладывалъ ему все то, что самъ о Кальякудѣ услышалъ.

Его свѣтлость, сидя на шелковыхъ подушкахъ, курилъ кальянъ, и горячій, душистый кофе прихлебывалъ изъ маленькой фарфоровой чашечки.

2) У грековъ стараго времени, какъ и у многихъ восточныхъ народовъ, существовалъ такой обрядъ обычая закрѣпленія узъ дружбы и преданности между побратимами.

Снисходительно выслушавъ наушника, онъ выпустилъ изъ рта синюю струйку ароматнаго дыма и съ небрежной усмѣшкой промолвилъ:

— *Хайди бошъ лажирды* (какія глупости ты говоришь). Ну возможно ли, чтобы человекъ, потонувшій на днѣ морскомъ, снова явился бы на землю и сталъ разбойничать? Вѣдь это совсѣмъ невозможно!

— *Машилахъ клейсъ кетеръ* (совершенная правда—поспѣшили согласиться сановникъ и еще покорнѣе склонилъ голову передъ его свѣтлостью.

Прошелъ день, прошелъ другой. Молва о Кальякудѣ росла, какъ пожаръ лѣсной, и уже самъ намѣстникъ принужденъ былъ повѣрить ей. Каждый день приносилъ ему новыя вѣсти о клефтѣ. Были эти вѣсти одна тревожнѣе другой и говорили онъ о томъ, что Кальякудъ не только грабитъ купцовъ, но избиваетъ сборщиковъ податей и уже не разъ врвался въ маленькіе города и вступалъ въ бой съ ихъ гарнизонами.

— Гонцы отъ правителей городовъ съ такими вѣстями одинъ за другимъ прибывали въ резиденцію намѣстника. Его свѣтлость сильно встревожился, еще сильнѣе разгнѣвался онъ на капитановъ тѣхъ кораблей, которые онъ посылалъ на поиски Кальякуда.

— Обманули меня, негодяи!—говорилъ онъ въ одно утро тому же самому сановнику.—Клефтовъ они совсѣмъ не видали и нагнали мнѣ про свой подвигъ.

Сановникъ, покорно склонивъ голову на грудь, молча слушалъ его.

— Ступай и распорядись, чтобы слетѣли головы съ плечъ негодяевъ!—приказалъ ему намѣстникъ.—Слышишь?

— Слышу,—покорно отвѣтилъ сановникъ и тяжело вздохнулъ.

— Что еще вздыхаешь?—закричалъ намѣстникъ.—Обманщиковъ жалѣешь?!

— Нѣтъ,—возразилъ сановникъ.—Мнѣ не жаль ихъ, и когда надо будетъ, я одной минуты не помедлю, чтобы отправить ихъ въ адъ, какъ они того заслуживаютъ... Но выслушай меня... Самъ знаешь, я никогда тебѣ не лгалъ и не совѣтывалъ дурного.

— Говори,—угрюмо промолвилъ намѣстникъ.

И сановникъ сталъ говорить о томъ, что казнь капитановъ надѣлаетъ много шума, а пользы намѣстнику не принесетъ; наоборотъ, большой вредъ причинить она ему. Вѣсть о ней дойдетъ до султана, и его величество захочетъ узнать, за что казнены тѣ самые капитаны, которые перебили клефтовъ.

— Узнаетъ султанъ правду, и тогда...—продолжалъ было сановникъ, но его свѣтлость замахалъ на него руками.

— Не договаривай, не договаривай!—крикнулъ онъ.—Я знаю султана; онъ шутить не любитъ. Но что же мнѣ дѣлать—сказки!..

Сановникъ отвѣчалъ, что надо сдѣлать такъ, чтобы по городу пошла молва о томъ, что появившійся въ странѣ клефтъ ложно называетъ себя именемъ убитаго Кальякуда.

— Пусть народъ не вѣритъ этой молвѣ,—продолжалъ онъ,—это не важно, а важно то, чтобы она дошла до султана, и чтобы онъ повѣрилъ ей. Затѣмъ—и это самое главное—немедля отправь пашу съ войскомъ для уничтоженія разбойниковъ. Да пошли не пятьсотъ, а тысячу пятьсотъ человекъ: надо бить сильно и жестоко, чтобы было больно не только клефтамъ, но и тѣмъ, кто имъ помогаетъ, а помогаетъ имъ, самъ знаешь, народъ.

— Гмъ...—произнесъ его свѣтлость и задумался.—А вѣдь ты правъ,—сказалъ онъ сановнику и сразу повеселѣлъ.—Оставимъ капитановъ въ покоѣ—пусть живутъ. А ты, мой вѣрный слуга, иди и сдѣлай все то, что совѣтывалъ мнѣ... Я знаю, ты сумѣешь сдѣлать это хорошо...

Сановникъ низко поклонился ему и вышелъ. Въ тотъ же день распространилась по городу молва о клефтѣ Кальякудѣ-самозванцѣ. А два дня спустя изъ города выступилъ полуторатысячный отрядъ войска съ десятью пушками.

V.

Въ трехъ дняхъ пѣшаго пути отъ резиденціи намѣстника, въ старомъ лѣсу, у подножія скалистыхъ горъ, жилъ Кальякудъ съ ста тридцатью клефтами.

Самымъ юнымъ среди нихъ былъ Янко, побратимъ Кальякуда. Онъ былъ молодымъ дубкомъ, окруженнымъ старыми и хмурыми дубами.

Много бурь и грозъ пронеслось надъ головами старыхъ клефтовъ, а Янка еще ни коснулись ни гроза ни буря, и онъ радостно смотрѣлъ на міръ Божій: золотое солнце и синее небо улыбались ему. И въ набѣгъ онъ отправлялся, словно на свадебный пиръ, а въ бою держалъ себя подобно старому суровому клефту.

Въ то утро, когда Кальякудъ, сидя въ пещерѣ, грѣлся у костра, Янко правду говорилъ ему о себѣ: стрѣлялъ онъ безъ промаха—пуля, пущенная имъ изъ ружья или пистолета, валила на землю врага, а ударомъ ятагана онъ легко сносилъ ему голову.

Кальякудъ, глядя на Янко, одобрительно посмѣивался въ длинный сѣдой усъ.

«Добрый клефтъ выйдетъ изъ парня», думалъ онъ про него.

И было скрыто отъ Кальякуды, что дни жизни Янка и его самого судьба уже сосчитала. И роковой день насталъ въ то время, когда Кальякудъ совсѣмъ не ожидалъ его и не думалъ о немъ. Случилось же это въ скоромъ времени послѣ того, какъ изъ резиденціи намѣстника вышелъ полуторатысячный отрядъ.

VI.

Лѣто уже прошло. Осень спустилась съ горъ, съ высокихъ утесовъ, въ сырыхъ разсѣлинахъ которыхъ рождались бѣлые туманы. Разбросала осень по деревьямъ червонное золото, разбросала свои печальныя краски, и лѣсъ задумался, затуманился грустью. По утрамъ холодкомъ съ горъ его обдавало, вѣтеръ шумѣлъ и пѣлъ ему унылыя пѣсни. Онъ слушалъ эти пѣсни съ поникшей головой и плакалъ, роняя золотыя слезы.

Съ далекаго сѣвера потянули перелетныя птицы. Ночью, пролетая надъ лѣсомъ, онѣ долго гомонили во тьмѣ, а днемъ плыли въ синемъ океанѣ журавли и замирающимъ курлыканьемъ звали въ теплый край, гдѣ нѣтъ морозовъ, нѣтъ снѣговъ. И стараго клефта потянуло изъ лѣса. Онъ стосковался по синему морю, оно во снѣ ему снилось и грезилося наяву. Онъ слышалъ шумъ прибоя, видѣлъ свой корветъ-чайку съ бѣлыми парусами и голубымъ флагомъ: онъ несся по волнамъ, брызги летѣли, играли и переливались красивыми цвѣтами въ лучахъ милаго солнца, а вѣтеръ буйно и весело шумѣлъ и свистѣлъ въ снастяхъ.

Увидѣли клефты, что запечалился ихъ атаманъ, и о причинѣ печали они спросили его. И не скрылъ Кальякудъ правды отъ нихъ, повѣдалъ имъ все, что на душѣ у него лежало.

— Братъ мой,—сказалъ онъ,—я рожденъ на морѣ, на морѣ выросъ и на морѣ впервые началъ драться съ проклятыми турками. Люблю я море, и душа моя тоскуетъ по немъ!

Одинъ изъ старыхъ клефтовъ сочувственно кивнулъ ему головой.

— Братъ нашъ, Кальякудъ,—сказалъ онъ,—ты спроси: кто изъ насъ не любитъ море, кто не тоскуетъ по немъ?

И обвелъ онъ глазами товарищей, прося ихъ отвѣтить. И всѣ они, какъ одинъ, отвѣчали:

— Всѣ мы любимъ море, и всѣ мы тоскуемъ по немъ!

И просвѣтлѣло лицо атамана: какъ солнечный лучъ на хмуромъ небѣ, заиграла на немъ улыбка.

— Братья,—промолвилъ онъ,—я радъ, что море вамъ мило такъ же, какъ и мнѣ. Посовѣтуемся же, какъ намъ пробраться къ нему...

Онъ сѣлъ посреди полянки, вокругъ него клефты присѣли на корточкахъ, и у каждаго изъ нихъ въ зубахъ задымился длинный черешнивый чвбукъ маленькой глиняной трубки

Говорили только самые старые клефты, а кто былъ помоложе, тотъ слушалъ и молчалъ, если же и говорилъ, то лишь тогда, когда его спрашивали старшіе. Недолго совѣщались клефты, и въ тотъ же вечеръ покинули лѣсъ.

А турки надвигались быстро, и все тѣснѣе становилось ихъ кольцо вокругъ лѣса.

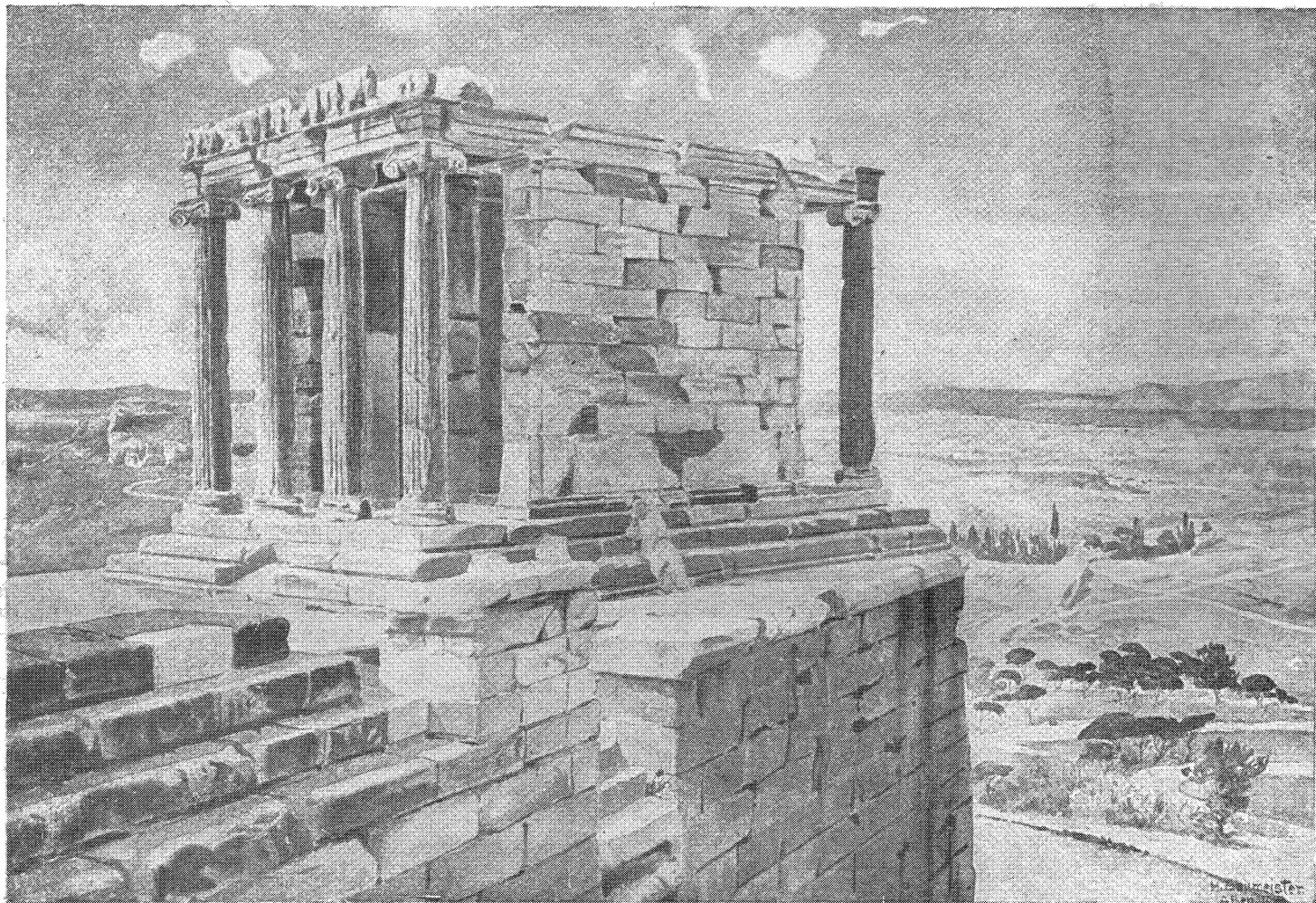
Подпустили ихъ клефты на выстрѣлъ и залпомъ изъ ружьевъ встрѣтили ихъ.

Въ пороховомъ дымѣ трудно было разглядѣть, много ли турокъ повалилось, но, должно-быть, немало, потому что передніе ряды ихъ сильно порѣдѣли.

Клефты успѣли снова зарядить ружья и снова дать изъ нихъ залпъ.

И въ отвѣтъ на эти залпы заревѣли пушки, затрещали турецкія ружья.

Съ воемъ и свистомъ летѣли въ лѣсъ ядра и гранаты, ломали вѣтви деревьевъ, ломали и самыя деревья. А пули, не умолкая, жужжали и пѣли.

Видѣнія древней Греціи. Развалины храма Аѣины Nike (Аптерось) въ западной части Акрополя.

VII.

Всю ночь шли они степью и на разсвѣтъ остановились на короткій отдыхъ въ небольшомъ молодомъ лѣску. Костровъ не зажигали, легли на сырую землю, и тотъ же часъ уснули.

Спали недолго, и не сами они проснулись, а разбудилъ ихъ pistolетный выстрѣлъ часового. Какъ одинъ, всѣ они быстро вскочили на ноги, и въ туманѣ сѣраго утра увидѣли турецкую рать, окружавшую лѣсокъ.

Какъ это случилось: сами ли турки прослѣдили клефтовъ или же нашелся среди грековъ измѣнникъ, гнусный предатель, который указалъ туркамъ, гдѣ надо искать клефтовъ. Никому это не было извѣстно, никто о томъ не знаетъ и до сего дня.

Но что случилось, то случилось. Отступать было поздно, да и невозможно, и клефты молча рѣшили прорубиться сквозь вражескую рать или же всѣмъ умереть.

Не всѣ ядра и гранаты разрывались, но тѣ, которыя разорвались, своими осколками уложили уже не одного клефта, да и пули не все же только сбивали листья и сучья: онѣ находили того, для кого пробилъ смертный часъ. А пробилъ этотъ часъ уже для многихъ клефтовъ.

Кальякудъ стоялъ у молодого деревца, и сумрачно было его лицо. А рядомъ съ нимъ Янко весело улыбался, словно радостный праздникъ встрѣчалъ.

Зналъ Кальякудъ, что если минутой еще онъ помедлитъ, турки засыплютъ клефтовъ ядрами, пулями и всѣхъ ихъ перебьютъ.

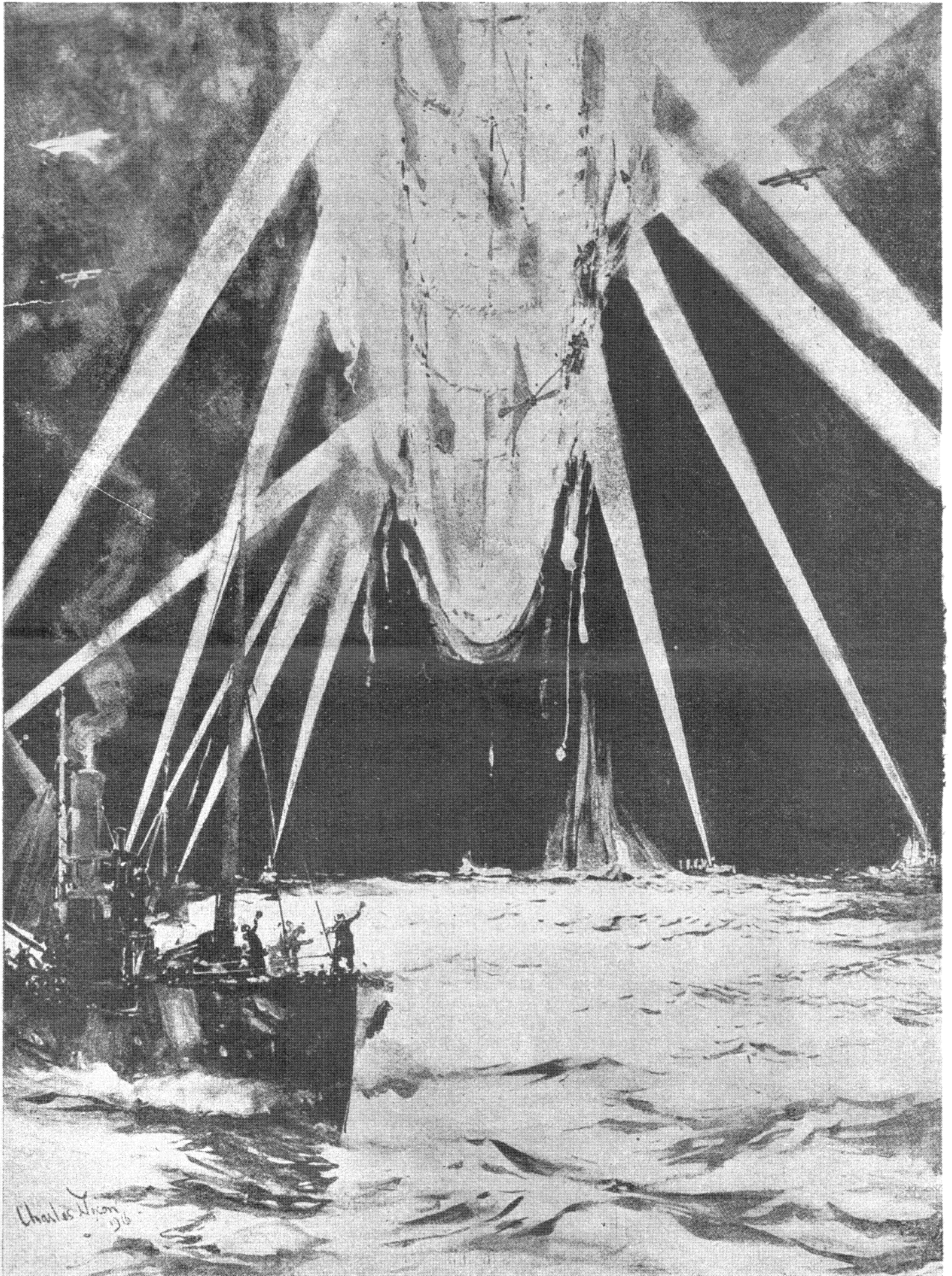
И громко онъ крикнулъ:

— За мной, братья!

И бросился навстрѣчу врагу, увлекая за собой товарищей.

Свои длинноствольные pistolеты клефты разрядили въ турокъ, схватились за ятаганы и сабли.

ГИБЕЛЬ ВОЗДУШНОГО РАЗБОЙНИКА.

Во время крейсерования части британской эскадры по Сѣверному морю, надъ ней появился цеппелинь. Это было ночью. Тотчасъ же со всѣхъ судовъ поднялись къ небу огненныя шупальцы прожекторовъ. Черезъ десять минутъ воздушный гигантъ, раненный снарядами, весь объятый пламенемъ, грохнулся въ море.

Отъ пистолетныхъ выстрѣловъ тоже немало турокъ повалилось, а еще больше падало ихъ подъ ударами ятагановъ. Но клефтовъ было всего лишь горсть, и таяла она въ морѣ турокъ.

Янко не отходилъ отъ атамана и рубилъ ятаганомъ направо и налево. И каждый разъ, какъ онъ взмахивалъ имъ, свѣжая кровь бѣжала по стали клинка. И вдругъ онъ зашатался, упалъ: одна пуля пробила ему грудь, другая попала въ голову.

Кальякудъ лишь мелькомъ взглянулъ на побратима и сталъ яростно отбиваться отъ насѣдавшихъ на него турокъ. Кровавый дымъ стоялъ въ его глазахъ, и самъ онъ былъ какъ безумный. Память его совсѣмъ затмилась, и не помнилъ онъ, какъ прорубился онъ сквозь стѣну турокъ, какъ очутился вдали отъ мѣста битвы и упалъ въ кустахъ рощицы—не той, въ которой турки застали клефтовъ, а другой, узкой полосой, протянувшейся по скату невысокихъ холмовъ.

VIII.

Поднялось солнце, разогнало туманъ. День разгорѣлся свѣтлый, весь проникнутый тихой грустью, постоялъ и угасъ вмѣстѣ съ вечерней зарей. А Кальякудъ не видѣлъ кроткаго его сіянія, не видѣлъ и вечернихъ огней: онъ все лежалъ въ кустахъ въ полномъ забытьи.

Только поздно ночью онъ пришелъ въ себя.

Голова болѣла тупой болью—ятаганомъ она была поранена; болѣла пулевая рана въ плечѣ. Съ большимъ усиліемъ, превозмогая боль, поднялся онъ на ноги. Ему было холодно, и весь онъ дрожалъ. И понять не могъ онъ, какъ и зачѣмъ попалъ онъ въ эту рощу.

Бѣлесый сырой туманъ стлался по землѣ. Вокругъ стояла тишина—не качнулась вѣтка, не шелохнулся листъ. А со степи доносился смутный шумъ людскихъ голосовъ.

Кальякудъ медленно повернулъ голову въ ту сторону, откуда шелъ этотъ шумъ, и увидѣлъ зарево: оно то поднималось высоко, становилось огромнымъ и кровавымъ, то расплывалось въ туманѣ, блѣднѣло и вдругъ опять вспыхивало.

Послышались завывающіе и печальные звуки мѣдныхъ трубъ и мѣрные удары тулумбаса.

— Ухъ-ухъ... ухъ-ухъ!—словно вздыхали они—глухо и тяжело.

Кальякудъ весь такъ и встрепенулся: въ этихъ звукахъ онъ узналъ турецкую боевую пѣсню.

Множество голосовъ затянули ее—громко и нестройно; тянули, тянули эти голоса и оборвались въ общемъ шумѣ. А трубы все такъ же печально завывали и все такъ же тяжело вздыхали тулумбасъ.

И прояснилась память Кальякуда, восстановились въ ней подробности утренней битвы съ самаго начала ея и до того момента, когда былъ убитъ Янко. А что потомъ было, что потомъ произошло—все потонуло во мракѣ. И стало ему понятно, что въ степи расположились таборомъ на ночлегъ тѣ самые турки, которые дрались утромъ съ клефтами. Стало понятно ему и то, что онъ спасся отъ смерти бѣгствомъ.

И жгучій стыдъ онъ почувствовалъ: ему казалось, что его щеки, покрытыя старыми, заросшими шрамами, покраснѣли.

— Никогда со мной этого не было,—въ тоскѣ прошепталъ онъ.

И говорилъ онъ правду: еще ни разу не случилось съ нимъ, чтобы онъ, подобно трусу, покидалъ поле битвы.

Онъ уронилъ было на грудь голову, но тотъ же часъ поднялъ ее... Поднялъ правую руку и кулакомъ погрозили зареву...

Кальякудъ не боится смерти!—крикнулъ онъ.

Въ туманѣ голосъ его прозвучалъ глухо и затерялся въ молчаливыхъ кустахъ и деревьяхъ.

IX.

Зарево блѣднѣло. Затихли трубы, пересталъ вздыхать тулумбасъ.

Кальякудъ постоялъ, подумалъ, оцупалъ широкій поясъ... Изъ оружія за поясомъ уцѣлѣлъ только одинъ пистолетъ, а другой пистолетъ и ятаганъ потерялись: оборвалась и тоже потерялась сабля.

Онъ нагнулся, пошарилъ рукой по землѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ. Пальцы коснулись холодной стали клинка. Онъ поднялъ ятаганъ, минуту-другую держалъ его въ раздумьи передъ собой.

— Мой товарищъ, мой другъ,—заговорилъ онъ страстнымъ шопотомъ, обращаясь къ нему, и слезы глубокой тоски закипѣли въ этомъ шопотѣ.—Тридцать лѣтъ служилъ ты мнѣ вѣрно, не измѣни въ послѣдній разъ. Склонился онъ надъ ятаганомъ, поникъ надъ нимъ головой. Крупная слеза упала на сталь, покрытую запекшеюся кровью.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ жизнь клефта, это—была его первая горячая слеза.

О чемъ онъ плакалъ? Зналъ это только онъ да Богъ.

Осторожно заткнулъ онъ ятаганъ за поясъ, вынулъ пистолетъ и, приставивъ конецъ дула къ губамъ, подулъ. Воздухъ, проникая въ стволъ, съ легкимъ шипѣніемъ выходилъ наружу черезъ маленькую дырочку затравки. Пистолетъ не былъ заряженъ.

Привычнымъ движеніемъ руки Кальякудъ досталъ изъ маленькой кожаной сумочки, висѣвшей на поясѣ, порохъ, пулю и тщательно зарядилъ пистолетъ... Трудно было заряжать—болѣло лѣвое плечо, болѣла вся рука, но одна мысль овладѣла Кальякудомъ, и онъ не обращалъ вниманія на боль. Подсыпавъ на затравку пороху, онъ попробовалъ, крѣпко ли ввинченъ кремль въ курокъ, и посмотрѣлъ на зарево.

Онъ совсѣмъ приземлилось, потускнѣло и замирало... Турецкій таборъ угомонился: даже слабый шумъ не доносился со стороны костровъ.

Туманъ ползъ, поднимался надъ рощей, рдѣлъ... Кое-гдѣ проглядывали блѣдныя звѣзды.

Вдали послышались тоскливые, перекликающіеся голоса... Летѣли птицы... Голоса приближались, заговорили надъ самой рощей.

Кальякудъ поднялъ голову, послушалъ, послушалъ...

— Прощайте, вольныя птицы! крикнулъ онъ.—Привѣтъ морю передайте!

Птицы пролетѣли, а ему все еще чудился ихъ безпріютный крикъ...

X.

Держа пистолетъ въ правой рукѣ, онъ выбрался изъ кустовъ, потомъ выбрался изъ рощи. Вдали туманными пятнами покраснѣлись огни табора. Они уже угасали, но кое-гдѣ еще горѣли ярко.

Кальякудъ взялъ путь прямо на огни.

Ныли его раны. И только теперь онъ особенно сильно почувствовалъ мучительность боли. Лѣвая рука совсѣмъ одеревянѣла, повисла бессильно, какъ плеть, и казалась такой тяжелой, словно была изъ желѣза. Усталость легла ему на плечи, подкашивала ноги...

Ему хотѣлось упасть, заснуть навсегда, навѣки. И надо было большую силу воли, чтобы побѣдить это желаніе. Цѣпляясь нога за ногу, онъ все шелъ и шелъ...

Крайніе огни были уже совсѣмъ близко—до нихъ осталось шаговъ сорокъ-тридцать... Около самаго крайняго костра Кальякудъ увидѣлъ трехъ турокъ; они сидѣли, курили трубки и, слышно было, перебрасывались словами.

Тяжело волоча ноги, онъ направился прямо на нихъ.

Одинъ изъ турокъ, должно-быть, слышалъ его шаги, повернулъ голову въ его сторону, поднялся. отошелъ отъ костра, сталъ всматриваться въ темь.

— *Сень-кимъ-сень* (кто ты такой)?—крикнулъ онъ.

— Клефть!—громко по-турецки отвѣчалъ Кальякудъ, поднявъ пистолетъ и выстрѣлилъ.

Турокъ обѣими руками схватился за животъ, мѣшкомъ опустился на землю, тяжело и громко застоналъ. Двое остальныхъ турокъ торопливо вскочили, взылись, за ятаганы пистолеты и бросились къ клефту.

Кальякудъ швырнулъ пистолетъ, выхватилъ ятаганъ и остановился.

Молодой турокъ, почти мальчикъ, первымъ набѣжалъ на него, высоко и неумѣло замахнулся ятаганомъ.

Кальякудъ успѣлъ ударить его наотмашь. Но это былъ послѣдній ударъ стараго клефта. Другой турокъ въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Кальякудъ опрокинулся навзничъ, широко разметавъ руки.

Нейтральные народы, съ которыми не считаются.

(Изъ жизни животныхъ во время войны).

Племена, обитающія на скалахъ.

Изъ тьмы своего жилища въ глубокомъ природномъ туннелѣ на яркій свѣтъ июнскаго солнца вышла пушистая крылатая особа. Свѣжій вѣтерокъ съ необъятнаго простора океана шелестилъ въ пучкахъ жесткой травы—единственной растительности на этихъ голыхъ скалахъ. Глубоко подъ ея ногами разстилалась волнистая поверхность моря, тянувшаяся далеко-далеко, до самаго горизонта, гдѣ она словно приподнималась, чтобы слиться съ небомъ.

Пушистая особа отправилась (критикъ замѣтилъ бы, что она была косолопа) вдоль скалистаго уступа, подошла къ самому краю и посмотрѣла внизъ, съ тысячефудовой вышины, совершенно спокойно и безъ малѣйшаго головокруженія. Она увидала ту часть океана, которую ей не было видно отъ входа въ туннель, и его волны, которыя казались отсюда значительно крупнѣе. Онѣ сегодня тихо и покорно лизали подножье ея скалы. И направо и налево она увидѣла ту же самую пѣну, поющую на сугробы снѣга, изъ которыхъ круто поднималась ея собственная скала.

Пушистая особа была не велика ростомъ, не больше фута, приземистая и, съ человѣческой точки зрѣнія, не блистала красотой. Одѣта она была въ черное съ бѣлымъ платьѣ, простого, но очень удобнаго покроя. Носъ у нея былъ чрезвычайно красный, невѣроятной величины и отчаянно острый. Въ предѣлахъ этого необъятнаго носа помѣщался также и ротъ особы, который, въ случаѣ необходимости, могъ жестоко кусаться. Чулки у нея также были красные и, хотя походка ея, съ людской точки зрѣнія, не была исполнена граціи, но ходила она все-таки прямо и бодро, какъ солдатъ, и видъ у нея былъ внушительный.

Она смотрѣла внизъ на прозрачную зеленоватую воду и на необъятную гладь океана, такую спокойную, но въ то же время такую измѣнчивую, и на блѣдное голубое небо и легкія бѣлыя облачка, и видъ этотъ радовалъ ея дикое сердце подъ пушистымъ чернымъ и бѣлымъ нарядомъ.

Точь въ точь такое же было небо и море ровно годъ тому назадъ, когда она почувствовала въ сердцѣ таинственный голосъ, приказывавшій ей оставить родной утесъ. Такъ было и годъ, и два, и три тому назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ пушистая особа помнила себя. Было точь въ точь такъ же слегка вѣтрено, воздухъ былъ такъ же пропитанъ дыханіемъ океана, такъ же было тихо, какъ въ тѣ далекіе дни, когда родоначальникъ ея племени впервые открылъ эту твердыню на Сѣверномъ морѣ.

Выстрѣлы всполошили таборъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались турки и стали рубить мертвое тѣло клефта...

Погибъ Кальякудъ, но дѣло, начатое имъ, не погибло: его продолжали другіе клефты, которые послѣ него въ разное время появлялись. И всѣ они сложили свои головы въ бояхъ съ турками.

Потомъ настало время, и явились знаменитые клефты—Константинъ Канари, Маркъ Ботеари и другіе¹⁾. Они сумѣли поднять народъ противъ турокъ и, послѣ долгой борьбы, освободили Грецію отъ рабства и поруганія—завершили то великое дѣло, которое когда-то давно началъ клефть Кальякудъ, плавая по лазурному морю въ своемъ корветѣ-чайкѣ подъ бѣлыми парусами и голубымъ флагомъ.

Теперь воздушныя пространства въ окрестностяхъ ея жилища были далеко не необитаемы. Глубоко подъ нимъ, но все еще высоко надъ водой носились взадъ и впередъ какія-то темныя точки, кружились широкими кругами, незамѣтныя для человѣческаго глаза но ясно видныя для нея. Это были ея сородичи и другія племена, жившія ниже на той же скалѣ, одѣтыя немного иначе и имѣвшія плоскіе, блѣдные носы; пушистая особа не находила ихъ ни красивыми ни интересными.

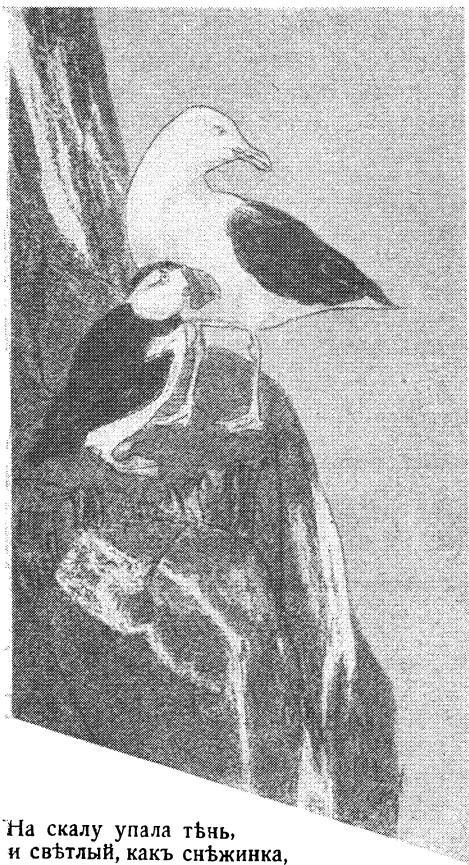
Пока она стояла на краю уступа, прямая и гордая, съ круглыми немигающими глазами, точно впивающими даль и солнечный свѣтъ, изъ глубины пропасти до нея донесся какой-то звукъ. Онъ не былъ особенно громокъ, но очень грозенъ,—это былъ глухой гулъ, отъ котораго задрожалъ воздухъ.

Ей показалось даже, что задрожала самая скала. И маленькое дикое созданіе тревожно стало переступать съ одной красной ноги на другую; его круглые глазки оглядывались то въ ту, то въ другую сторону, озадаченные, встревоженные; его радость перешла въ неясную тревогу. Такой шумъ пушистая особа слышала много разъ, но тогда не было такого яснаго неба и такого тихаго моря. Что это былъ за звукъ? И кто былъ странный и страшный нарушитель лѣтнаго покоя?

На скалу упала тѣнь, и свѣтлый, какъ снѣжинка, на скалу рядомъ съ пушистой особой опустился какой-то господинъ. Она знала его отлично,—это былъ извѣстный разбойникъ, принадлежавшій къ одному изъ чуждыхъ ей племенъ. Они были крупнѣе, бѣлые съ черной спиной, съ изогнутыми крѣпкими клювами и могучими длинными крыльями.

Это было племя путешественниковъ; они далеко поселились надъ морями и пользовались дурной славой похитителей чужихъ яицъ. Но съ племенами, которыя

¹⁾ Изъ нихъ особенно замѣчательнъ Канари. Онъ, подобно Кальякуду, началъ свою дѣятельность корсарствомъ, потомъ направилъ ее исключительно на борьбу за освобожденіе родины. Популярность его шла далеко за предѣлы Греціи. Его дѣятельность—борца за свободу народа, его удивительныя подвиги вдохновили Байрона, Гюго, Беранже, которые брали его героемъ своихъ произведеній. Народъ любилъ его, и когда въ освобожденной Греціи открылся первый парламентъ, Канари былъ избранъ въ него представителемъ населенія своего роднаго города Генеари. Но знаменитый клефть, въ то время уже старикъ, былъ совсѣмъ неграмотнымъ: проведя большую часть своей жизни въ битвахъ, онъ не имѣлъ возможности научиться читать и писать. И вотъ онъ, нисколько не смущаясь насмѣшками, сълъ вмѣстѣ съ школьниками за букварь.

На скалу упала тѣнь,
и свѣтлый, какъ снѣжинка,
рядомъ съ пушистой особой на
скалу опустился крылатый разбойникъ.

умѣли беречь свои яйца и умѣли кусаться своими крѣпкими клювами, они жили дружно.

Разбойникъ не проявлялъ никакихъ признаковъ тревоги, и ссоба немного успокоилась. Звукъ замеръ вдали, но потомъ опять раздался ближе, еще болѣе грозный.

— Громъ? — спросила она.

— Человѣкъ, — отвѣтилъ онъ.

Она тревожно взглянула по направлению къ землѣ, но все, что она могла видѣть, былъ ближайшій выступъ скалы.

— Оттуда, — сказалъ онъ, повернувъ голову къ далекому горизонту.

Во время своихъ дальнихъ полетовъ этотъ разбойникъ многое узнавалъ. Всѣ птицы знали это. И пушистая особа повѣрила ему и больше не спрашивала.

Странное существо, называвшееся человѣкомъ, совсемъ не интересовало ее. Ея племени не было до него никакого дѣла. Она была рада, что громъ не являлся признакомъ какого-нибудь нарушенія законовъ природы, а надъ тѣмъ, какими загадочными способами производило его двуногое существо, она не стала ломать себѣ голову. Его дѣла такъ же мало касались населенія скалы, какъ мерцаніе звѣздъ на небѣ. Но когда громъ въ третій разъ потрясъ воздухъ, она не могла удержаться отъ движенія.

Бросившись съ края обрыва, она раскрыла свои тупыя маленькія крылья и описала въ воздухѣ широкій кругъ. На тысячу футовъ подъ ней дышалъ и искрился широкій океанъ; громадные скалы поднимались къ небу, а между ними зіяли темныя пропасти. Вокругъ скалъ безчисленными стаями носились обитатели ихъ, встревоженные неожиданнымъ и непонятнымъ гуломъ, нарушившимъ покой радостнаго лѣтнаго дня.

Но тревожные крики ихъ постепенно умолкли и пушистая особа, описавъ еще нѣсколько круговъ, вернулась на свое мѣсто на скалѣ.

Она нашла тамъ разбойника, спокойно сидѣвшаго на своемъ мѣстѣ. Должно-быть, онъ успѣлъ уже палетаться.

— Посмотри! — сказалъ онъ прилетѣвшей сосѣдкѣ.

Далеко на ясномъ горизонтѣ виднѣлось маленькое облачко, которое поднималось все выше и выше и подвигалось все ближе къ скалѣ. Черезъ нѣсколько минутъ они увидѣли, что это облачко состояло изъ нѣсколькихъ столбовъ дыма, подъ каждымъ изъ которыхъ двигалось что-то маленькое и темное. Двигаясь перпендикулярно къ линіи горизонта, неизвѣстные предметы вскорѣ обозначились тѣми созданіями человѣка, которыя птицы нерѣдко замѣчали на поверхности моря. Они плавали, но никогда не ныряли, какъ добропорядочныя водяныя птицы и никогда не останавливались, а все время дымили

и неслись все дальше и дальше изъ невѣдомыхъ краевъ въ невѣдомые края.

Самое странное въ этихъ существахъ былъ ихъ правильный рядъ,—одинъ за другимъ, какъ вереница утокъ, только съ еще болѣе правильными промежутками.

Постепенно эти странныя птицы подошли такъ близко къ скаламъ, что наблюдатели могли замѣтить въ нихъ нѣкоторыя особенности. Онѣ оказались всѣ сѣрыя, длинныя и низкія, съ небольшими башенками и съ длинной палкой посрединѣ, на верхушкѣ которой развѣвался пестрый лоскутокъ матеріи.

— Это онѣ гремѣли, — сказалъ всезнающій разбойникъ.

Пушистая особа посмотрѣла на нихъ равнодушно. Какое ей было дѣло до того, какъ онѣ дѣлали громъ, и что онѣ вообще дѣлали! Важно было то, что теперь слава Богу, онѣ не гремѣли, что слышался только шумъ крыльевъ и крики ея сородичей, звонкіе, рѣзкіе, говорившіе на древнемъ, понятномъ ей языкѣ.

А когда вереница судовъ исчезла вдали, а дымъ разсѣялся, то на морѣ ничего не стало видно такого, чего не видѣли бы ея предки тридцать вѣковъ тому назадъ,— море, облака и глубокія пропасти да короткая жесткая трава, шелестившая на краю обрыва, да другія птицы.

День кончился, и наступилъ вечеръ, прозрачный лѣтній вечеръ, который былъ олицетвореніемъ мира и покоя. Солнце низко опустилось надъ моремъ, поверхность воды начинала окрашиваться въ пламя и аметистъ, вѣтерокъ умиралъ. Въ это время странное существо появилось возлѣ скалъ. Оно подползло гораздо ближе къ скаламъ, было гораздо меньше, чѣмъ тѣ страшныя сѣрыя чудовища, и имѣло болѣе обычный видъ.

Птицы на скалахъ не одинъ разъ видали такія. Судно вело себя такъ тихо и, казалось, такъ мало имѣло отношенія къ птицамъ на скалахъ, что врядъ ли хоть одна изъ нихъ удостоила его своимъ взглядомъ. Но въ это время внезапно случилось что-то странное.

Грозный раскатистый звукъ заставилъ даже разбойника взлетѣть, а пушистая особа мгновенно исчезла гдѣ-то въ пространствѣ. Глубоко подъ ними «созданіе человѣка» остановилось. Оно словно замерло на мѣстѣ; правда, труба его и мачты слегка покачивались съ боку на бокъ, но никакихъ звуковъ больше не было слышно, и пушистая особа, вытянувъ ножки, опять опустилась на свой выступъ на скалѣ. Разбойникъ былъ уже тамъ и сидѣлъ такъ же спокойно, какъ и прежде.

— Ничего не было, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, было что-то! — отвѣтила она. — Оно ныряетъ. И оно дѣйствительно нырнуло.

— А вынырнетъ ли оно опять?

Они смотрѣли долго, но оно не вынырнуло.

— Что это было? — спросила она.

— Опять люди, — отвѣтилъ умный разбойникъ.

— Я надѣюсь, что они перестанутъ все-таки. Они мѣшаютъ намъ.

— Люди очень дѣятельны нынѣшнимъ лѣтомъ, — сказалъ бывалый разбойникъ. — Я вижу эти сѣрыя чудовища на всѣхъ моряхъ и часто слышу этого громовой звукъ.

— О чемъ они хлопочутъ? — спросила пушистая особа.

Разбойникъ вытянулъ шею и издалъ звукъ, который человѣческому уху показался бы просто хриплымъ визгомъ. Для тѣхъ же, кому было дано понимать, это было слово, выражавшее самое крайнее презрѣніе.

Солнце скрылось за горизонтомъ въ пурпурномъ сіяніи и на населеніе скалъ точно упало покрывало тишины. Многочисленныя племена воздухоплателей затихли и сидѣли молча, а пурпурное сіяніе, блѣднѣя, медленно передвигалось къ сѣверу. Въ глубинѣ своего уютнаго туннеля отдыхала пушистая особа, ожидая разсвѣта, чтобы начать свою радостную жизнь среди воздуха, пропитаннаго запахомъ моря, первобытную мирную жизнь птицы, а не суетную, презрѣнную жизнь человѣка.

СВЕРХЪ ПРОГРАММЫ.

Продѣлка сѣверно-дакотскаго вѣтра.

Да, господа, что таить грѣха, я люблю циркъ, — завилъ Редъ Саундерсъ.—Люблю все въ немъ.

Взять хоть бы цирковой оркестръ. Онъ не пиликастъ по командѣ разъ-два-три каждый свою нотку въ свое время, словно заведенная машина. Нѣтъ, господа! Цирковой оркестръ существуетъ для того, чтобы производить веселый шумъ, и онъ это дѣлаетъ. Если одинъ случайю чуть-чуть запоздаетъ, или другой выскочитъ впередъ слишкомъ рано, никто не броситъ на него презрительнаго взгляда. Дуй себѣ только, пока хватаетъ дыханія, да чтобы весело было и громко и этакъ забористо, чтобы за живое хватало!.. А большаго отъ тебя и не требуется.

Во всей природѣ нѣтъ ничего, что можно было бы сравнить съ тромбонистомъ въ цирковомъ оркестрѣ, развѣ только этакаго здоровеннаго льва, почуявшаго кровь... Да-съ, сэръ. А потомъ цирковые огни, и клоуны, и акробаты, и все это забубенное, безшабашное настроеніе, которое тобой овладѣваетъ, когда присутствуешь на представленіи! Да, я люблю циркъ!

И когда «знаменитый циркъ Форпау и Смелль», «сборище изумительныхъ талантовъ», прибылъ въ нашъ городъ, можете ручаться, что я первымъ поспѣшилъ на представленіе.

Я уже съ утра былъ готовъ для цирка—я и три моихъ товарища—всѣ разодрѣтые въ пухъ и прахъ, въ новыхъ шляпахъ, воскресныхъ костюмахъ, смазныхъ сапогахъ и съ новымъ шелковымъ галстукомъ на шеѣ.

Дулъ хорошій сѣверно-дакотскій зефиръ, то-есть, иными словами, форменный штормъ. Противъ этого вѣтра мы ѣхали добрыхъ шесть часовъ по преріи, наши лошадки усердно цѣплялись копытами за землю и упрямо пробирались впередъ.

— Если такъ будетъ продолжаться, никакого представленія не будетъ,—говоритъ Кэрли.—Весь баракъ снегъ въ рѣку.

И похоже, что онъ былъ правъ. Толпы разочарованныхъ людей стояли на ярмарочной площади, крѣпко придерживая рукой шляпы и прочее, и предсказывали, что вѣтеръ утихнетъ—но безъ результата, пока вдругъ, часа въ два пополудни, вѣтеръ вдругъ не стихъ, стихъ совершенно, какъ гаснетъ свѣча. Даже жутко было, до чего сразу онъ стихъ. То дулъ во-всю, то вдругъ точно никакого вѣтра и не было.

Первымъ номеромъ программы значился полетъ на воздушномъ шарѣ «Орель». Знаменитый воздухоплаватель, сенборъ Гайфлахъ, долженъ былъ подняться на воздушномъ шарѣ. Вѣтра какъ я сказалъ, и въ поминѣ больше не было, и старый воздушный шаръ началъ раздуваться, какъ мыльный пузырь. Синборъ прыгалъ вокругъ него двадцать дюжихъ парней держали шаръ за веревки, и все было, какъ полагается при полетѣ на воздушномъ шарѣ—на исключая мистера Перкинса.

Мистеръ Перкинсъ былъ мэромъ нашего города. Почтенный человекъ съ круглымъ брюшкомъ, большой лысиной, золотыми очками и вѣчно изумленной складкой верхней губы. Вы могли рассчитывать на мистера Перкинса, что онъ всегда сдѣлаетъ что-нибудь въ затруднительную минуту или въ любое другое время. Дѣлать что-нибудь было его специальностью, не даромъ онъ былъ мэромъ. По его лицу вы могли видѣть, что онъ отлично знаетъ, что воздушный шаръ не полетитъ, если его, мистера Перкинса, не будетъ здѣсь.

На одной линіи съ мистеромъ Перкинсомъ стояла клѣтка «свирѣпаго ягуара» изъ Южной Америки—или, вѣрнѣе сказать, ягуарихи. Вѣроятно, климатъ Dakoty не

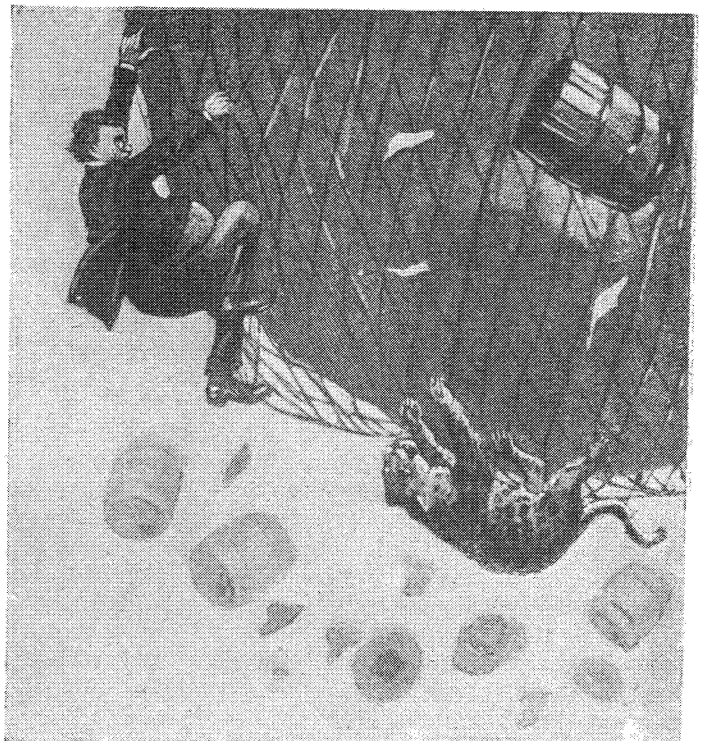
очень подходилъ ей, во всякомъ случаѣ сей «исключительно лютый ягуаръ» былъ больше всего похожъ на добродушную пятнистую кошку. Я пощекоталъ ее за ушами сквозь прутья клѣтки, и она замурлыкала, что твой самоваръ. Мнѣ она даже понравилась, эта ягуариха.

Все было готово—шаръ надуть такъ, что казалось, вотъ-вотъ лопнетъ. Синборъ Гайфлахъ парадировалъ въ своихъ блестяхъ. Мистеръ Перкинсъ парадировалъ со своимъ брюшкомъ и золотыми очками, а «дикая ягуариха изъ южно-американскихъ лѣсовъ» дремала спокойно въ уголкѣ своей клѣтки, ничуть не помышляя причинить зло кому бы то ни было, когда вдругъ все измѣнилось въ одинъ мигъ. Вѣтеръ подкрался незамѣтно изъ-за горы, когда и глаза и помыслы всѣхъ присутствующихъ были обращены на шаръ. И въ тотъ моментъ, когда мы меньше всего ожидали этого, онъ бурей налетѣлъ на насъ. Парусиновая крыша барака затрещала такъ, словно выстрѣлили изъ пушки, и поднялась торчкомъ на воздухъ—вмѣстѣ со шляпами, нѣсколькими газетами, коробками, боченками и тучей пыли. Если это не былъ самый сильный порывъ вѣтра, когда-либо налетавшій на людей, то можете сказать, что я въ вѣтрахъ ничего не смыслю.

А воздушный шаръ?

Онъ дернулся и—хватъ мистера Перкинса по головѣ, а мистеръ Перкинсъ—хватъ за сѣтку, чтобы удержаться на ногахъ. Въ этотъ моментъ всѣ двадцать парней, державшихъ веревки, рѣшили, что они лучше останутся въ сей части Dakoty, чѣмъ будутъ путешествовать въ поднебесьѣ съ воздушнымъ шаромъ—и выпустили веревки.

Шаръ сталъ подниматься подъ острымъ угломъ, и при этомъ перевернулъ клѣтку съ дикой ягуарихой изъ южно-американскихъ лѣсовъ. Та какъ зарычитъ, словно сто сорокъ семь кошекъ, какъ подскочитъ, и—разъ-два—очутилась на шарѣ, футакъ въ пяти ниже мистера Перкинса. И игра началась.

Мистеръ Перкинсъ схватился за сѣтку, ягуариха тоже и игра началась...

Мистеръ Перкинсъ замѣтилъ появленіе госпожи ягуарихи. Чувствуя, что онъ не былъ ей представленъ по формѣ, и будучи слишкомъ скромнѣе, чтобы стѣснять своимъ присутствіемъ даму, онъ поспѣшилъ ретироваться подалѣе и показалъ намъ изумительное зрѣлище того, какъ быстро можетъ карабкаться вверхъ по шару маленькой толстеннѣй мэръ, когда онъ чувствуетъ, что долгъ повелѣваетъ ему это.

Но въ то время, какъ онъ карабкался, шаръ перевернулся, и госпожа ягуариха очутилась внизу.

— Не желаю такъ!—сказала она, и, обладая превосходными когтями, она пустила ихъ въ ходъ. Такъ шаръ вертѣлся кругомъ и кругомъ, вверхъ и внизъ, между тѣмъ какъ господинъ мэръ, со своимъ брюшкомъ и золотыми очками, и госпожа ягуариха изъ южно-американскихъ лѣсовъ продолжали карабкаться, какъ мыши въ колесѣ—зрѣлище странное и жуткое.

Слабо донесся до насъ звукъ голоса Перкинса, вопиющаго «караулъ» и «помогите», и вой госпожи ягуарихи.

— Ну-ну!—сказалъ Кэрли.—Боюсь, не видать намъ больше нашего мистера Перкинса.

И это нѣсколько утѣшило насъ за несостоявшееся представленіе. Поистинѣ, необыкновеннымъ путемъ покинулъ насъ нашъ почтенный мэръ!

Но хозяинъ цирка ругался на чемъ свѣтъ стоитъ. и синьоръ Гайфлахъ, перейдя подъ возбужденіемъ мипуты на свой родной сквадунскій языкъ, тоже вторилъ ему въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ я не стану повторять. Мы же, то-есть большинство публики, отчаянно цѣплялись за все, что было подъ рукой, чтобы не послѣдовать за мистеромъ Перкинсомъ.

Наконецъ, паругавшись вволю, хозяинъ цирка выступилъ впередъ и предложилъ награду. Онъ дастъ, сказалъ онъ, сто долларовъ наличными всякому, кто найдетъ улетѣвшій шаръ, и еще сто долларовъ тому, кто поймаетъ и возвратитъ ему ягуариху изъ южно-американскихъ лѣсовъ.

— А сколько за мистера Перкинса?—спросилъ Кэрли.

— Еще сто долларовъ, если оставите его тамъ, гдѣ онъ сейчасъ,—отвѣтилъ хозяинъ цирка.—Сколько онъ, небось, содралъ съ меня, мошенникъ, прежде чѣмъ далъ мнѣ разрѣшеніе на представленія! Его оставьте, но остальные верните мнѣ, и награда ваша.

— Идетъ!—говоритъ Кэрли.—Въ путь, Редъ.

И такимъ образомъ не успѣлъ я и оглянуться, какъ у меня оказалось новое дѣло: гнаться за убѣжавшимъ воздушнымъ шаромъ по преріямъ Дакоты руководствуясь только памятью да общимъ направленіемъ вѣтра.

Одно было въ нашу пользу: своими когтями ягуариха должна была проткнуть столько дырокъ въ шарѣ, что черезъ нѣкоторое время онъ неизбѣжно долженъ былъ спутиться. Только вѣтеръ насъ беспокоилъ.

Сколько времени мистеръ Перкинсъ и ягуариха могли продолжать играть въ пятнашки—это былъ вопросъ. Безъ сомнѣнія, играть такъ въ пятнашки не легко, когда у васъ брюшко, и вы страдаете одышкой. Перкинсъ говорилъ мнѣ послѣ, что газъ все время выходилъ отовсюду, и онъ чуть не задохся, между тѣмъ какъ вой свирѣпой ягуарихи такъ дѣйствовалъ ему на нервы, что онъ десятки разъ чуть-чуть не летѣлъ кувыркомъ. Надъ какими мѣстностями они пролетали, этого онъ совершенно не видѣлъ, а только было у него такое чувство, словно онъ пѣлые годы подъ рядъ все карабкается на большую круглую темную гору, которая все вертится и вертится, ни на мгновеніе не останавливаясь.

Онъ говорилъ, что все это казалось ему сномъ—кошмарнымъ сномъ. Онъ не могъ повѣрить, что онъ, Перкинсъ, глава одного изъ самыхъ многообѣщающихъ городовъ Сѣверо-запада на самомъ дѣлѣ находится гдѣ-то въ поднебесьѣ, играя въ пятнашки съ южно-африканской

ягуарихой. Онъ никакъ не могъ этого обмозговать. Ему и некогда было, видите ли. Не было времени пристѣсть и обсудить положеніе...

Такъ они и продолжали путешествовать, все карабкаясь по шару кругомъ да кругомъ. Иногда они летѣли близко къ землѣ, иногда на высотѣ одной мили; но низко ли или высоко, они не прерывали игры ни на мигъ.

Но теперь я долженъ рассказать вамъ о другой заинтересованной сторонѣ, какъ выражаются юристы. Это былъ индѣецъ, посящій имя Большой Воинъ. Настоящій, подлинный индѣецъ, только на рѣдкость рослый, дюжій и широкоплечій, съ цѣлой копной черныхъ, какъ смоль, волосъ на головѣ.

Принадлежалъ онъ также къ числу тѣхъ людей, которыхъ, разъ они заберутъ себѣ что въ голову, переубѣдить трудно. Его убѣждали на его вѣку и винтовками, и томогавками, и дубинами, и всякой всячиной, но сомнительно, чтобы хоть одна изъ этихъ вещей когда-нибудь подѣйствовала на его убѣжденія. Убѣжденія другихъ мѣнялись, какъ можно было видѣть по знакамъ на нихъ, но убѣжденія Большого Воинна—никогда! Онъ всегда оставался при своемъ.

Въ настоящее время онъ держался того убѣжденія, что съ неба долженъ явиться пророкъ. Не онъ одинъ это думалъ. Другіе индѣйцы тоже, и они собирались вмѣстѣ и плясали свои священныя пляски. Но у немногихъ эта идея сидѣла въ головѣ такъ крѣпко, какъ у Большого Воинна.

Помимо прочаго имущества, Большой Воинъ имѣлъ трехъ женъ, четырнадцать дѣтей, семь лошадокъ и одиннадцать собакъ. И въ тотъ день всѣ они, включая собакъ, направлялись на сѣверъ, чтобы присоединиться къ одной партіи священныхъ плясунговъ.

Впередѣ ѣхалъ самъ Большой Воинъ, чуть не касаясь носками земли, ибо лошадка его имѣла въ вышину всего около четырнадцати ладоней, между тѣмъ какъ Большой Воинъ былъ ростомъ ровно въ семь футовъ. За нимъ ѣхала самая толстая изъ его женъ, дальше—жена средней толщины съ двумя дѣтишками; еще дальше—жена худая съ маленькимъ Большимъ Воинномъ; потомъ съ полдюжины собакъ, лошадь съ четырьмя ребятами на ней, еще собаки и еще лошади съ ребятами, а аррьергардъ составлялъ старшій отпрыскъ Большого Воинна съ послѣдними собаками.

Большой Воинъ былъ серьезенъ. Онъ воображалъ что на картѣ стоитъ все будущее индѣйцевъ. Онъ вовсе не шутилъ и не игралъ.

Въ какомъ именно видѣ индѣйцы ожидали къ себѣ пророка, я никогда не могъ выяснитъ, но я доподлинно знаю одну-двѣ вещи, которыхъ они не ожидали. Въ то время, какъ Большой Воинъ со своимъ семействомъ направлялись на сѣверъ, навстрѣчу вѣтру, мистеръ Перкинсъ и ягуариха летѣли къ югу, по вѣтру. А вѣтеръ—онъ дулъ уже не съ такой силой, какъ вначалѣ. Онъ значительно ослабѣлъ. И когда газъ сталъ выходить изъ шара, тотъ временами спускался совсѣмъ близко къ землѣ. Перкинсъ говорилъ мнѣ, что раза два или три онъ уже почти готовъ былъ прыгнуть, но ягуариха не давала ему времени на это.

Такимъ образомъ случилось, что въ тотъ моментъ, когда Большой Воинъ со своимъ семействомъ достигъ вершины одного холма, трое женъ и его четырнадцать дѣтей вдругъ сказали всѣ: «гляди!» и показали пальцами въ одну сторону, ибо прямо къ нимъ несся воздушный шаръ съ мистеромъ Перкинсомъ и ягуарихой, не выше футовъ двадцати надъ землей.

Что бы вы подумали, если бы вы были простой, необразованный индѣецъ, ни разу въ жизни не слышавшій ни о воздушныхъ шарахъ, ни о ягуарахъ, ни о существованіи мистера Перкинса, и вдругъ къ вамъ летитъ прямо съ неба такая штука? Вы ничего не знаете о

летучей способности газа, вамъ никогда и не снилось, что человекъ можетъ придумать такую машину, которая способна держать его въ воздухѣ... развѣ не подумали бы того же самаго, что подумалъ Большой Воинъ: что это летитъ къ вамъ вашъ пророкъ?

Большой Воинъ сразу увидѣлъ также, что если онъ не будетъ дѣйствовать быстро, то лишится своего пророка. Поэтому, быстрѣ мысли, онъ снялъ свой арканъ, конецъ котораго былъ привязанъ къ лукѣ сѣдла, и кинулъ его на воздушный шаръ, когда тотъ пролеталъ мимо. Петля аркана зацѣпилась за якорь, свѣшивавшійся съ гондолы, а лошадка Большого Воина уперлась ногами въ землю, словно ожидая атаки быка.

Вы себя не представляете, вѣроятно, съ какой силой способенъ тянуть воздушный шаръ. Произошло здоровое сотрясеніе, повѣрьте мнѣ. Перкинсъ говоритъ, что отъ толчка онъ чуть не брякнулся на землю, а ягуариха испустила душу раздирающій вопль. Но какъ ни великъ, ни силенъ и ни тяжелъ былъ Большой Воинъ, удержать цѣлый воздушный шаръ онъ не могъ, и вотъ онъ и его лошадка граціозно приподнялись на воздухъ и понеслись къ югу. А за ними немедленно послѣдовали три жены, четырнадцать ребятъ, семь лошадокъ и одиннадцать собакъ. Жены кричали Большому Воину, чтобы онъ вернулся, какъ подобаетъ честному и уважающему себя доблестному воину, собаки лаяли, дѣти орала и ревѣли, и всѣ руки тянулись къ воздушному шару.

Приблизительно черезъ милю дальше вѣтеръ вдругъ стихъ, и вѣсь Большого Воина оказалъ свое дѣйствіе. Онъ и его лошадка опять коснулись земли; казалось даже, что они одержатъ верхъ надъ шаромъ. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда самая худая изъ женъ на самой быстроногой лошаdkѣ уже находилась отъ своего главы и повелителя на разстояніи протянутой руки, вѣтеръ вдругъ подулъ снова, и опять Большой Воинъ граціозно полетѣлъ! Такъ продолжалось на протяженіи милъ пяти.

Но Большой Воинъ, будучи упрямымъ, какъ сорокъ семь ословъ вмѣстѣ взятыхъ, крѣпко держался за веревку. Представляете вы себя эту картину? Большой темный шаръ вертится и прыгаетъ подъ напоромъ вѣтра, вокругъ него рьяно карабкаются мистеръ Перкинсъ и ягуариха, которымъ еще не суждено поймать другъ друга, а подъ ними виситъ самый длинный и самый дюжій изъ всѣхъ индѣйцевъ Сѣверной Dakoty и изо всѣхъ силъ держится за веревку, вертятся то въ одну, то въ другую сторону въ зависимости отъ того, какъ веревка закручивается и раскручивается. А за нимъ несется вся вопящая, лающая орава женъ, дѣтей, лошадей и собакъ... Картина потрясающая въ своемъ родѣ.

Наконецъ, къ концу пятой мили вѣтеръ опять стихъ, и вся орава женъ, ребятъ, собакъ и лошадей кинулась къ Большому Воину, какъ футболисты къ мячу, и ухватилась за него.

Воздушный шаръ спустился къ самой землѣ. Ягуариха изъ южно-американскихъ дебрей издала не то вопль истерзанной души, не то вой облегченія и стала мѣрять прерію тридцатифутовыми скачками. Она была по горло сыта путешествіемъ на воздушномъ шарѣ. Воздушный шаръ не подходилъ къ ея дикой свободолюбивой натурѣ.

Что касается мистера Перкинса, то онъ тоже совершилъ полетъ на землю, куда и прибылъ въ сидячемъ положеніи съ высоты шести футовъ или около того. Такъ онъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, пока искры не перестали сыпаться изъ глазъ, а потомъ, стиснувъ фальшивые зубы, сверкая золотыми очками и блестя лысной, умчался прочь такъ изящно, что твоя косуля.

И куда же онъ попалъ?

Да въ ту же самую пещеру на берегу рѣки, которую госпожа ягуариха открыла и назвала своей! Двѣ души, какъ видите, и одна и та же мысль, одно и то же стремленіе — естественное желаніе имѣть что-нибудь тихое, спокойное, недвижимое и темное.

Ягуариха, разумѣется, зафыркала на почтеннаго мэра, когда онъ ввалился, непрощенный, въ ея пещеру, но она была испугана не меньше, чѣмъ онъ.

Тамъ, въ этой пещерѣ, мы и нашли ихъ нѣсколько часовъ спустя—дикую ягуариху и мэра, глядящихъ другъ на друга взглядами, полными изумленія и недоумія. И взять въ плѣнъ мэра намъ было почти не легче, чѣмъ поймать ягуариху. Онъ настолько утратилъ вѣру въ человека, Бога и законы земного притяженія, что смотрѣлъ на все происходящее, какъ на личную обиду. Онъ содралъ

большой кусокъ кожи съ моего носа, а ягуариха прокусила мнѣ пегу на глубинѣ двухъ дюймовъ.

Если вы думаете, что намъ съ Кэрли было легко связать эту парочку, то вы ошибаетесь, только и всего. А затѣмъ объясненіе съ Большимъ Воиномъ и его женами! Лучше и не вспоминать.

Но во всякомъ случаѣ мы благополучно возвратились въ городъ и получили обѣщанную награду. Хозяинъ цирка былъ очень доволенъ, когда увидѣлъ мистера Перкинса и услышалъ о его приключеніяхъ и заплатилъ намъ также третью сотню долларовъ.

Чудно было видѣть, какъ почтенный мистеръ Перкинсъ пошелъ по улицамъ своего родного города, съ ужасомъ восклицая отъ времени до времени:

— Опять вертится! Опять кругомъ! О Боже!..

Да-съ, господа, я люблю циркъ, очень люблю—даже въ вѣтряный день.

Большой Воинъ и его лошадка поднялись на воздухъ.

КАКЪ ДОБЫВАЮТЪ КЕДРОВЫЕ ОРЪШКИ.

(Изъ жизни Нарымскаго края).

Добываніемъ кедровыхъ орѣховъ занимаютъ во многихъ мѣстахъ Сибири, но врядь ли гдѣ этотъ промыселъ имѣетъ такое большое значеніе, какъ въ Нарымскомъ краѣ¹⁾. Земледѣіемъ тутъ почти не занимаются. Главное занятіе жителей тутъ рыбный промыселъ; собираніе же кедровыхъ орѣховъ составляетъ важное подспорье въ хозяйствѣ.

Въ Нарымскомъ краѣ кедръ, какъ и вся тайга, составляютъ собственность казны. Лѣсничіе и ихъ помощники охраняютъ казенный лѣсъ, распредѣляютъ участки для порубки и берутъ плату за билеты на добычу кедровыхъ орѣховъ. Но эта плата только еще вводится и берется не больше полтинника за билетъ на одного человѣка. Да на самомъ дѣлѣ рѣдко кто и платитъ ее, большинство промышленяетъ безплатно.

Кедровникъ, или, какъ говорятъ здѣсь, «кедрачъ» разбросанъ всюду на тысячеверстномъ пространствѣ таежной глуши, но добыча орѣховъ ведется вблизи заселенныхъ мѣстъ; поэтому кедровыхъ орѣховъ добывается лишь незначительная доля всего, что произрастаетъ въ тайгѣ. Мѣстные крестьяне обыкновенно промышленяютъ поблизости своихъ селеній и деревушекъ. Немногіе изъ нихъ стваживаются ѣхать на промыселъ на глухіе пригоки Оби, на рѣки Васьюганъ и Чижабку, изобилующіе кедровымъ лѣсомъ, очень пригоднымъ для добыванія орѣховъ.

Рѣка Чижабка очень отдалена. Она течетъ между высокими, глухими береговъ, поросшихъ самымъ настоящимъ «ботовымъ» кедромъ. Поэтому поѣздка туда на промыселъ представляетъ собою очень интересную экскурсію, полную неизвѣданныхъ переживаній въ глуши величественной, чарующей и таинственной тайги.

Промышленники ѣдутъ туда большой компаніей, запасаютъ съ собою провизію на цѣлый мѣсяцъ, берутъ съ собою нѣсколько большихъ лодокъ, оружіе и снасти для рыбной ловли. —

Будутъ въ отдаленномъ мѣста задолго до начала промысла: тамъ можно начинать «бить шишку» по своему усмотрѣнію, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считаясь, лишь бы шишка «дошла». Въ мѣстахъ же ближайшихъ къ населеннымъ пунктамъ, начинаютъ промышленяты всѣ сообща, придерживаясь обычая, считаясь съ установленнымъ порядкомъ.

Обычно кедровые орѣхи поспѣваютъ къ началу августа, и послѣ Успенія крестьяне рѣшаютъ «бить шишку».

Наканунѣ того дня, какъ отправиться на промыселъ, служатъ молебенъ, а потомъ устраиваютъ мірской сходъ и на немъ окончательно рѣшаютъ о времени выѣзда на промыселъ. Мѣсто для промысла каждый облюбовываетъ для себя заранѣе, но въ день отъѣзда, на зарѣ, всѣ—мужчины, женщины и подростки—верхомъ на лошадяхъ, съ «запасомъ» собираются около дома старшины, и уже послѣ общаго согласія съ гиканьемъ и свистомъ срываются на коняхъ

съ мѣсть и стремглавъ мчатся по узкимъ таежнымъ дорогамъ.

Посмотримъ теперь, какъ происходитъ добыча кедровыхъ орѣховъ.

Промышленники составляютъ артели по три или четыре человѣка. У каждой имѣется свой «ботъ». Такъ называется особаго устройства деревянный молотъ, въ аршинъ длиною и около полторы четверти въ поперечникѣ; онъ насаженъ на ручку длиною въ сажень. Съ этимъ ботомъ промышленники переходятъ отъ кедръ къ кедру и, ударяя плашмя молотомъ по стволу, сбиваютъ шишки съ кедровыми орѣхами. Работа распредѣляется у нихъ такъ: одинъ тащитъ на плечахъ или волоча подъ мышкой «ботъ»; другой поддерживаетъ и запускаетъ вокругъ дерева веревки, привязанныя къ молоту. Когда ботъ установленъ рукояткой у самаго корня дерева и направленъ плашмя на стволъ, тогда другой промышленникъ дергаетъ изо всей силы за веревки, въ то время, какъ первый промышленникъ старается направлять удары серединой молота возможно ровнѣе и сильнѣе.

Послѣ двухъ-трехъ ударовъ отъ сотрясенія ствола могучій великанъ-кедръ, встряхнувъ вѣчно-зелеными кудрями, сбрасываетъ съ себя груды шишекъ, которыя сыплются во всѣ стороны, градомъ засыпая работающихъ внизу людей. Шишки собираютъ въ мѣшки и относятъ въ становище, которое обычно бываетъ расположено въ центрѣ участка добычи. Иногда нѣкоторые охотники взбираются по вѣтвямъ на вершину кедръ и, ударяя по его вѣтвямъ, сбиваютъ шишки.

Съ хорошаго «ботоваго» кедръ набирается мѣшокъ-полтора шишекъ (отъ 500 до 600 штукъ въ мѣшкѣ). Въ одной шишкѣ бываетъ отъ 90 до 150 орѣховъ. Въ теченіе дня трое-четверо промышленниковъ набираютъ отъ 15 до 30 мѣшковъ шишекъ.

Нужно замѣтить, что работа требуетъ очень большой выносливости и сноровки. Приходится пробираться съ ботомъ и съ мѣшками среди густой таежной чащи, нерѣдко въ болотистой мѣстности или въ колючемъ валежникѣ. Чаща колетъ глаза, царапаетъ въ кровь лицо и руки, а въ довершеніе всего ни на минуту не отстаютъ ужасно жалящіе комары и мошки.

Отъ зари до сумерекъ, точно дятлы, долбить промышленники кедровникъ, и только гулъ отъ ударовъ ботомъ раздается подъ величественными сводами вѣковѣчной молчаливой тайги. Всплунутыя птицы мечутся по верхушкамъ островерхихъ пихтъ и елей, щелкаетъ, пробираясь по вѣткамъ, бѣлка или бурндукъ, дико выкрикиваетъ разсерженная птица «кэйзеръ».

Проходитъ дня три-пять, и промыселъ конченъ. Это обыкновенный періодъ добычи кедровыхъ орѣховъ. Шишки сбиты, и теперь нужно ихъ молотить, вѣять орѣхи, сушить ихъ; тогда только они готовы къ употребленію и къ продажѣ.

Обычно шишки свозятъ домой въ мѣшкахъ на хребтѣ лошади, вслѣдствіе отсутствія проѣзжихъ дорогъ въ тайгѣ; иногда удается свезти, если близко отъ рѣкъ или таежныхъ протоковъ, въ лодкахъ.

Нѣкоторые промышленники чистятъ и сушатъ орѣхи на мѣсть промысла. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если кедровникъ расположенъ на островахъ, разбросанныхъ среди безчисленныхъ таежныхъ болотъ, откуда лѣтомъ трудно, а иногда даже невозможно вывезти орѣхи. Тогда совсѣмъ отдѣланные орѣхи складываютъ въ нарочно срубленные тутъ же амбары и хранятъ до зимняго пути.

Въ 1915 году, вслѣдствіе грандіознаго пожара тайги; погибло нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ орѣховъ, оставленныхъ въ таежныхъ амбарахъ.

Чистка шишекъ производится такъ. Устраиваютъ раму съ высокими бортами: въ центрѣ рамы, посрединѣ продольныхъ бортовъ, пропускается горизонтально деревянный зубчатый валъ; сверху засыпаютъ шишки и вертятъ валъ за ручки.

Шишки размалываются, а орѣхи просыпаются внизъ. Ихъ бросаютъ въ устроенныя для того сита и отбиваютъ отъ шишечной шелухи.

Теперь орѣхи надо сушить. Для этого ихъ помѣщаютъ на «пожжу». Такъ называется особый родъ сита изъ желѣзной сѣтки, которая устраивается надъ ямой. Яма эта бываетъ глубиною аршина въ 2—3, шириною въ 1 аршинъ и длиною въ 3 аршина. На днѣ ямы кладутъ дрова, горящія подъ «пожжей», наполненной орѣхами.

Огонь съ дымомъ проходитъ сквозь желѣзную сѣтку съ орѣхами, промышленники все время, не переставая, помѣшиваютъ орѣхи; и лишь тогда, когда ядрышки ихъ закалятся до кремоваго оттѣнка, орѣхи считаются годными для долгаго хранения въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Самая непріятная и тяжелая работа въ этомъ промыслѣ—сушка орѣховъ. Приходится все время стоять, наклонившись надъ пожжей, сквозь которую снизу проходитъ густой паръ отъ орѣховъ и ѣдкій дымъ изъ ямы. Глаза все время залиты слезами отъ дыма и пара, руки обожжены даже сквозь кожаныя рукавицы, а кругомъ пронизываетъ холодный осенній вѣтеръ. Нужны особенная внимательность и терпѣніе, чтобы не сжечь орѣхи.

Наконецъ, орѣхи готовы. Еще разъ надо провѣять ихъ и разсыпать въ мѣшки. Теперь промышленникъ попадаетъ въ полную зависимость отъ скупщика.

Отправляясь на добычу, промышленникъ забираетъ у скупщиковъ, по преимуществу изъ мѣстныхъ лавочниковъ, «лодь орѣшекъ» мѣшки, припасы и прочее необходимое въ хозяйствѣ. И вотъ теперь скупщикъ требуетъ сдачи орѣховъ только ему одному, грозя отобрать мѣшки. А куда дѣнешь орѣхи безъ мѣшковъ.

Скупщики входятъ въ стачку между собою и съ пріѣзжими купцами, запугиваютъ промышленниковъ отсутствіемъ спроса на орѣхи со стороны большихъ купцовъ, и, въ концѣ концовъ, промышленникъ сдается, волей-неволей продаетъ орѣхи по той цѣнѣ, какую устанавливаютъ скупщики.

Кончилось шишкованье, и теперь нужно ждать слѣдующаго года, а будутъ ли орѣхи и въ томъ году, неизвѣстно. Обыкновенно проходитъ два-три года, когда кедръ, оправившись послѣ промысла, пускаютъ новую шишку, не всегда равно обильную орѣхами. Происходитъ это оттого, что при добычѣ орѣховъ подъ ударомъ бота слетаетъ и зародышевая шишка, развившаяся къ осени до размѣра наперстка.

¹⁾ Нарымскимъ краемъ называется сѣверная часть Томской губ., состоящая изъ болотъ и лѣсовъ. Городокъ Нарымъ расположенъ недалеко отъ рѣки Оби.

деланы против курсъ законодѣнія, и поэтому наиболее читаемая книга въ библиотекѣ это — гражданское и уголовное право штата Нью-Йоркъ.

Въ государствѣ двѣ политическія партіи — консервативная и демократическая. При выборахъ президента, министровъ, судей и т. д. часто происходитъ энергичная избирательная борьба и оживленная агитация. Тамъ общее избирательное право для обоихъ половъ, ибо дѣвочки платятъ такіе же налоги, какъ и мальчики.

Одинъ изъ самыхъ строгихъ параграфовъ уголовного закона республики направленъ противъ куренія. Однако случалось, что тотъ или иной грѣшникъ ускользалъ отъ бдительности полиціи и курилъ тайкомъ. Вслѣдствіе этого законъ былъ измѣненъ, и нынѣ нарушитель означеннаго параграфа можетъ быть наказанъ, даже если отъ него только *нахвостъ* табакомъ. Наказаніе — штрафы отъ 1 до 3 долларовъ или 1—3 дня принудительныхъ работъ.

Всякая азартная игра тоже запрещена и наказуется безъ пощады. Одинъ мальчикъ, пойманный на томъ, что онъ игралъ на деньги, былъ членомъ сената, и хотя онъ откровенно сознался въ своемъ проступкѣ, судья все-таки присудилъ его къ штрафу въ 25 долларовъ. Зная, что какъ бы прилежно онъ ни трудился, ему нескоро собрать такую сумму, мальчикъ рѣшилъ отказаться уплатить штрафъ. Но за это его лишили гражданскихъ правъ и мѣста въ сенатѣ, а кромѣ того, присудили еще къ принудительнымъ работамъ. Тогда мальчикъ покорился и объявилъ, что согласенъ уплатить штрафъ.

Если вспомнить, что эти законы, запрещающіе ругань, куреніе, азартныя игры и пр., установлены самими дѣтьми, и что за строгимъ выполненіемъ ихъ они слѣдятъ съ такой добросовѣстностью, которая доказываетъ общее отвращеніе къ этимъ порокамъ, можно составить себѣ представленіе о прекрасныхъ результатахъ, достигаемыхъ въ этомъ дѣтскомъ государствѣ.

Лозунгъ государства — «ничего безъ работы». Всѣ должны зарабатывать себѣ на содержаніе. Исключеніе дѣлается только для больныхъ и слабыхъ. Мальчики провели было законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, несмотря на сильное противодѣйствіе дѣвочекъ, утверждавшихъ, что онѣ не могутъ справиться со своей работой въ такой срокъ. Но законъ все-таки прошелъ.

Вечеромъ мальчиковъ ожидалъ неприятный сюрпризъ: они остались безъ ужина. Дѣвочки указали имъ на новый законъ, нарушать который онѣ не желали, какъ хорошія гражданки.

Начались оживленные споры, созывались собранія, держались рѣчи, и страсти такъ разгорѣлись, что «полиціи» пришлось вмѣшаться.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ всѣ оставались безъ ужина, мальчикамъ пришлось уступить. Законъ былъ отмѣненъ.

Въ похвалу дѣвочкамъ нужно сказать, что все это время онѣ и для себя не готовили ужина. Слѣдовательно, пока законъ существовалъ, и сторонники и противники свято соблюдали его.

Чувство чистоты и порядка весьма развито у гражданъ маленькаго государства. Мальчикъ или дѣвочка, которые ходятъ въ грязной или рваной одеждѣ, штрафуются, и въ «правилахъ здоровья» требуется, чтобы каждый бралъ ванну не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Въ государствѣ есть и своя газетка, которая называется «The citizen» («Гражданинъ»). Онѣ выходитъ разъ въ мѣсяцъ. Одинъ мальчикъ избранъ главнымъ редакторомъ, а вообще каждый гражданинъ республики считается сотрудникомъ и можетъ присылать свои произведенія, которыя помѣщаются въ томъ видѣ, какъ они написаны, безъ цензуры и поправокъ. Можно себѣ представить поэтому, что иной разъ на страницахъ газеты находятъ очень своеобразныя литературныя произведенія.

Далѣе въ государствѣ есть и свой монетный дворъ, гдѣ чеканятся деньги. Послѣднія дѣлаются изъ алюминія (вначалѣ онѣ были бумажныя) и соотвѣтствуютъ американской монетной системѣ.

Разумѣется, онѣ имѣютъ хожденіе только въ предѣлахъ самого государства, и поэтому, когда одинъ изъ членовъ покидаетъ государство, ему выплачиваютъ накопленные имъ сбереженія настоящими деньгами.

Цѣль введенія денегъ, имѣющихъ хожденіе только въ предѣлахъ государства, была, между прочимъ, та, что этимъ хотѣли избавить дѣтей отъ искушенія покупать запрещенныя или ненужныя вещи. А все, что имъ нужно, они могутъ покупать на свои алюминіевыя деньги въ собственной лавкѣ.

Лучшимъ доказательствомъ благотворныхъ результатовъ этого дѣтскаго государства является то, что теперь и въ другихъ мѣстахъ дѣлаются попытки создать подобныя же колоніи, и въ Соединенныхъ Штатахъ таковыхъ насчитывается въ настоящее время уже около восьми.

• Хроника войны. •

Отъ 27 декабря 1916 г. до 1 января 1917 г.

Австро-германскій фронтъ.

На сѣверѣ этого фронта, въ районѣ Риги, гдѣ дѣйствуетъ армія ген. Радко-Дмитріева, германцы продолжали въ отчетномъ періодѣ производить ожесточенныя контръ-атаки съ цѣлью отнять обратно захваченныя нашими войсками позиціи на обоихъ берегахъ рѣки Аа. Въ особенности упорно атаковали они деревню Кальнемъ, гдѣ, однако, наши войска уже успѣли хорошо укрѣпиться, такъ что всѣ германскія контръ-атаки до 1 января оставались безуспѣшными.

Неприятель приступилъ къ эвакуаціи Митавы.

На прочихъ участкахъ происходили только поиски развѣдчиковъ.

Румынскій фронтъ.

Въ Румыніи все время шли упорные бои. Противникъ продолжалъ свое упорное стремленіе прорваться въ Молдавію съ двухъ сторонъ отъ рѣкъ Тротуша и Серета, но повсюду встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны нашихъ армій. Бои проходили съ переменнымъ успѣхомъ, но въ общемъ успѣхъ склонялся скорѣе на нашу сторону. Въ концѣ періода одна изъ неприятельскихъ армій (австрійская, генерала Арца) наступала на фронтѣ въ 38 верстъ между долинами рѣкъ Словику и Сушицы, но и здѣсь противникъ былъ остановленъ, при чемъ серьезный ударъ нанесли ему румыны близъ с. Монастырки.

Въ районѣ Родулесчи неприятельскія части, пробовавшія наступать, были загнаны въ свои окопы нашимъ артиллерійскимъ огнемъ, но деревню Коту-Михали подъ давленіемъ превосходныхъ силъ наши войска вынуждены были очистить.

Равнымъ образомъ окончательно очищена нашими войсками вся Добруджа. Наши войска перешли на лѣвый берегъ Дуная.

Кавказскій фронтъ.

На этомъ фронтѣ, въ Арменіи и Персіи, военнымъ дѣйствіямъ мѣшала наступившая суровая зима. Тѣмъ не менѣе, наши конныя и пѣшія части производили боевыя развѣдки. Конные наши отряды продолжали удерживать захваченныя въ Персіи города Саккаръ и Биджаръ, противъ лѣваго турецкаго фланга. На правомъ флангѣ турокъ наши конный партизанскій отрядъ произвелъ въ концѣ декабря сильный переполохъ. Разбивъ турецкія войска къ западу отъ Султанъ-Абада, партизаны гнали ихъ на протяженіи 100 верстъ и прекратили преслѣдованія только у Непиль-Абада, гдѣ противникъ получилъ изъ Хамадана подкрѣпленіе. Развѣдка выяснила, что турки сильно укрѣпились около Хамадана и ждутъ подкрѣпленій изъ Курдистана.

Въ районѣ Исфгани разгромленные въ концѣ декабря бахтары снова успокоились, тѣмъ болѣе, что въ бою погибъ самъ ихъ вождь Махмадъ-Рахимъ ханъ.

Фронты союзниковъ.

На западномъ театрѣ въ отчетномъ періодѣ слѣдуетъ отмѣтить усиленную дѣятельность артиллеріи, въ особенности на участкѣ р. Соммы, гдѣ французы произвели разрушительный обстрѣлъ германскихъ позицій въ районѣ Буа-Лаббэ, Ольбекура и Ликюра.

Германцы произвели нѣсколько атакъ на обоихъ берегахъ Мааса въ Вогезахъ и въ районѣ Рибекюра (къ сѣверу отъ р. Уазы). Эти атаки кончились для нихъ полной неудачей, такъ какъ англичане у Бомонтамеля захватили германскіе окопы, при чемъ взяли болѣе 600 плѣнныхъ. Кромѣ того, англичане заняли германскія позиціи у Бомонъ-Амонъ и взяли въ плѣнъ 180 солдатъ.

На македонскомъ фронтѣ дурная погода препятствовала активнымъ операціямъ. Поддерживалась только артиллерійская перестрѣлка.

На итальянскомъ фронтѣ подтвердились свѣдѣнія о сосредоточеніи въ Тренти значительныхъ австрійскихъ силъ, но до австрійскаго наступленія еще, по видимому, далеко.

Большой интересъ представляютъ собой возобновившіяся операціи англичанъ въ Месопотаміи, гдѣ они одержали новый успѣхъ на правомъ берегу Тигра. Но пока эти операціи еще не получили значительнаго развитія. На египетской границѣ англійская конница одержала надъ турками побѣду, близъ Эль-Ариша (на Синайскомъ полуостровѣ), захвативъ болѣе 2000 плѣнныхъ и 4 орудія.

На Средиземномъ морѣ итальянскія суда поймали двѣ неприятельскія подводныя лодки — одну германскую и одну австрійскую.

Итальянскіе и французскіе аэропланы произвели 31 декабря налетъ на Полу (австрійская гавань въ Адриатикѣ) и сбросили бомбы на стоявшія тамъ суда. Всѣ аэропланы вернулись невредимыми къ себѣ, отразивъ атаку воздушной эскадры противника.